

Грег Киз

Повелитель душ (часть 1)

Продолжение романа "Адский город" по вселенной TES.

Любительский перевод
бета-версия

Оглавление:

Пролог	1
Глава 1	14
Глава 2	19
Глава 3	31
Глава 4	38
Глава 5	48
Глава 6	57
Глава 7	66
Глава 8	75
Глава 9	80

Пролог

Аттребус не видел, что именно разрезало его живот и заставило внутренности выплеснуться в его руки. Это случилось в темноте, и единственное, что он осознавал, кроме чудовищной боли, была вонь его собственных кишок и что-то вроде запаха гнилого имбиря - и ещё помнил волочащего его Сула, сыплющего проклятиями на языке, который Аттребус не понимал.

Сейчас боль, бесконечно долгая и всеобъемлющая, затихала, - потому что его тело поняло, что это конец. Возможно, что он уже умер - Аттребус не был уверен, на что именно похожа смерть. Он никогда раньше не задумывался о подобных вещах.

Принц очнулся, как от падения во сне, и на миг решил, что всё ещё падает, не ощутив веса собственного тела. Он с усилием открыл глаза, но вокруг особо не на что было смотреть; воздух был полон пепла, - куда ни глянь, простиралось мрачное серое облако. Он увидел своего спутника, Сула, в нескольких ярдах от себя, но неуклонно уплывающего вдаль. Вскоре Сул растворился в окружающем пепле, став едва различимым темным силуэтом, а затем и вовсе исчез.

Было трудно дышать - серая пыль заполняла ноздри и рот.

После нескольких вздохов он решил, что достаточно скоро его лёгкие будут забиты этим странным веществом, которое он сперва принял за пепел.

Аттребус чувствовал себя беспомощным. Он ослаб, устал, и, даже если всё ещё жив, то всё, что он собирался сделать, сейчас казалось невозможным. Никто не обвинит его, если он решит сдаться... перестанет бороться... Не сейчас. Никто даже и не узнает...

Пока он лежал в полузабытье, пепел налипал на его окровавленный поддоспешник и руки, укрывая принца, как саван, почти мягко подготавливая его к моменту, когда сердце окончательно перестанет биться.

В темноте, где-то позади его глаз вспыхивали и умирали искорки, каждая тусклее, чем предыдущая, - и вот осталась единственная, затухающая.

В ней он увидел лицо молодой женщины, крошечное, точно в отдалении, и вдруг услышал раздавшийся из ниоткуда хорал отчаяния и ужаса, охвативший всё его существо.

Он увидел своего отца на пылающем троне, его отрешенное лицо, - как будто бы тот не понимал, что происходит, не видел охватившего его огня.

Колеблющиеся цветные пятна становились всё шире, вытесняя мрак, и женщина появилась вновь, а отец исчез.

Её черты лица, её черные локоны казались смутно знакомыми, но принц не мог вспомнить её имени.

Аттребус заметил, что женщина держала в руках какую-то вещь, так, чтобы он смог это увидеть; этой вещью оказалась маленькая кукла, очень похожая на него, но которая им не являлась, потому что была сильнее, мудрее, лучше его, - созданная по образу человека, неспособного сдаться или отступить.

Женщина легко коснулась губами головы куклы и затем выжидающе посмотрела на принца.

Слезы потекли по лицу Аттребуса. Его губы, залепленные застывшей пылью, треснули, и он выдохнул оставшийся в лёгких воздух:

- Сул! - прохрипел он.

Данмер был едва различим - просто тёмное пятно в окружающем сером пепле.

- Сул! - принц смог прокричать, и его тело вновь пронзила боль.

- Сул! - На этот раз голос прогремел в его ушах, и всё вокруг исказилось.

Ему показалось, что он видит нечто вроде оранжевого пепла на сером, - сферу, которая появилась, расширилась, прошла через него, а после пропала из виду.

Но, возможно, это была лишь предсмертная агония, увлакивающая за собой...

Тем не менее, свет никуда не пропал, видения продолжались.

Принц снова увидел куклу, на этот раз лежащую рядом, в маленькой серой кровати. Кукольная голова была сделана из фарфора, и ничем не отличалась от сотен подобных, что ему довелось видеть раньше. Ткань на туловище была разорвана, и набивка вылезала наружу.

Пока он смотрел, огромные руки взяли куклу и затолкали набивку обратно, но её оказалось недостаточно, поэтому одна из рук исчезла и вернулась с комком серого цвета и засунула его вовнутрь перед тем, как взять иголку и начать зашивать куклу.

Когда все швы были сделаны и затянуты, нож обрезал нитку.

Аттребус закричал, когда воздух начал высасываться из его лёгких, будто тысячи булавок вонзились в каждый дюйм его тела.

Он пытался рвать, но безрезультатно, и теперь он лежал, всхлипывая, зная, что ничто больше не будет прежним, ничто для него больше не будет казаться светлым и чистым, как раньше. Он плакал как ребёнок, ни о чём не думая, не ощущая стыда.

Он плакал долго, пока не выплакал всё, столь тяжкое и неразрешимое, непреодолимое, что копилось внутри него - и слёзы иссякли.

Остались лишь горечь и гнев, которые предавали ему, по крайней мере, тень решимости, нечто, что он мог взрастить и что придало бы ему сил...

Аттребус открыл глаза.

Он лежал в комнате, похожей на серую коробку, без окон и без дверей. Свет исходил из самих стен, не отбрасывая теней. Воздух имел затхлый, паленый привкус, но больше не сдавливал грудь.

Принц резко сел и рефлекторно провел руками по животу. Вдруг он понял, что не одет, а затем увидел толстый белесый шрам, который шёл от паха до самой груди.

- Девятеро... - выдохнул он.

- Я бы не стала поминать их здесь, - предупреждающе произнес женский голос.

Аттребус повернул голову и увидел её. Женщина, как и он, была полностью обнаженной. Она сидела рядом, обхватив руками колени и прижав их к груди. Её волосы были цвета розового дерева, кожа - алебастрово-белой, а глаза блестели, точно два изумруда. Из-за волос выглядывали аккуратные заостренные эльфийские уши.

- Ты знаешь, где мы? - спросил Аттребус.

- В Обливионе, - ответила она. - В плане Малаката.

- Малакат... - пробормотал принц, дотрагиваясь до шрама. Тот всё ещё болел.

- Верно, так он себя называет, - сказала женщина.

- Меня зовут Аттребус, - представился он. - С кем я имею честь разговаривать?

- Ты можешь называть меня Силханса, - ответила эльфийка.

- Как долго ты здесь, Силханса?

- Не намного дольше, чем ты. По крайней мере, я так думаю... Трудно сказать без солнца и лун, когда вокруг одна бесконечная серость.

- Как ты попала сюда?

Женщина пожала плечами.

- Я точно не знаю...

Он сделал паузу, чтобы дать ей возможность спросить что-то и у него, но женщина, по всей видимости, не торопилась с расспросами, и Аттребус продолжил:

- Как ты узнала, что это план Малаката? Ты видела его?

- Я слышала голос, и он назвал это имя. Это всё, что я знаю. Но я напугана.

Она замолчала, при этом выглядя так, будто забыла что-то важное.

- А что насчёт тебя? Как ты попал сюда?

- Долгая история, - вздохнул принц.

- Прошу, - сказала Силханса. - Твой голос меня успокаивает. Что привело тебя в это жуткое место?

- У меня был спутник, - сказал Атребус, - тёмный эльф, данмер, по имени Сул. Ты не видела его?

- Твоё лицо - единственное, что я видела с тех пор, как попала сюда, - ответила женщина. - Расскажи мне свою историю. Пожалуйста, - повторила она.

Атребус вздохнул.

- Откуда ты? - спросил он.

- С Балфиеры.

Он кивнул.

- Отлично, значит, мы оба из Тамриэля. Сам я из Сиродила, - он почесал подбородок и обнаружил бороду. Сколько же прошло времени?!

- Хорошо... - произнес он. - Я постараюсь объяснить. Не так давно одна вещь пришла в ниш мир из Обливиона, - остров, плывущий по воздуху, с городом на нём. Где бы ни пролетел остров, все, кто оказываются под ним, погибают и встают, как нежить. Мой спутник и я преследовали этот остров.

- Зачем?

- Остановить его, разумеется, - сказал он, вдруг осознав, как высокомерно и глупо это звучит. Однако принц нашёл в себе силы продолжить. - Остановить, пока он не разрушил весь Тамриэль.

- Значит, ты герой. Воин.

- Не слишком хороший воин, - вздохнул он. - Но мы сделали всё, что могли. Мой спутник, Сул, до того, как я встретил его, долгие годы провел в заточении, в Обливионе, и знает его потаённые тропы. Умбриэль - это название острова - был слишком далеко от нас, чтобы мы успели настичь его вовремя...

- Успели для чего?

- Я скоро доберусь до этого, - Атребус закашлялся.

- Прости. Я не хотела тебя прерывать, но это весьма странная история...

- Ничуть не страннее, чем быть заключённым в тюрьму принца даэдра.

- Вы пошли через Обливион, - предположила она.

- Чтобы сократить путь. Сул повел нас коротким путём через Обливион, чтобы мы смогли опередить Умбриэль.

- Вы остановили его?

- Нет, - ответил Аттребус. В его словах ощущалась горечь. - У нас не было ни шанса. Лорд Умбриэль слишком силен. Он захватил нас и наверняка бы прикончил, но Сулу удалось сбежать в Обливион и перенести меня с собой. Но мы потерялись, очутившись слишком далеко от знакомых Сулу троп. Мы пробирались через кошмарные места. До того, как я очутился здесь, мы были в плане Намиры, по крайней мере, так думал Сул. Что-то там сделало это, - он указал на шрам, рассекающий его тело.

- Я удивлена, что ты смог выжить после такого ранения, - сказала Силханса.

- Я тоже, - ответил принц. - Сул, должно быть, вытащил нас из плана Намиры. Я помню, как мы, задыхаясь, продирались сквозь тучи серого пепла. Затем я очнулся здесь.

Аттребус не хотел вспоминать о видении, и тем более не собирался о нем рассказывать.

- И вот, ваш поход подошёл к концу. Мне так жаль...

- Ещё ничего не закончилось! - с жаром воскликнул принц. - Я найду Сула, и вместе мы выберемся отсюда!

- Почему ты так в этом уверен?

- На кону мой мир, мои люди! А ещё - кое-то рассчитывает на меня, ждёт меня... Может, она уже в безопасности, но, если нет...

- Ах, - Силхана понимающе улыбнулась. - Женщина. Возлюбленная.

- Женщина, верно, но не возлюбленная - она друг, одна из тех, кто рассчитывает на меня.

- Но ты хочешь, чтобы она была с тобой?

- Я... Я никогда не думал об этом, и это здесь вообще ни при чём.

- А твой друг, Сул? Им движет это чувство - любовь?

- Сул? Им движет месть. Он ненавидит Вуона, хозяина Умбриэля. Я думаю, он ненавидит его больше, чем я могу себе вообразить, хоть я в последнее время расширил возможности своего... воображения.

Аттребус вдруг понял, что вновь трогает свой шрам. Силханса тоже это заметила.

- Ты думаешь, тебя исцелил Малакат?

- Может, и так - если это его план, я полагаю, что это возможно - но не знаю, зачем ему это. Малакат известен явно не своей добротой.

- Ты о нём что-нибудь знаешь?

Аттребус кивнул.

- Немного. Моя няня рассказывала мне легенду о нём. Эта была одна из моих любимых.

- Правда? Расскажешь мне? Я почти ничего не знаю о даэдра.

- Я не смогу рассказать так же хорошо, как няня, - признался Аттребус, - но я помню эту историю, - он улыбнулся, вспомнив монотонный, успокаивающий голос Хелны. Он зажмурился, представив свою кровать и няню, сидящую на ней, сложив руки на коленях. На миг он вновь ощутил обволакивающую его теплую, заботливую тень, - отголосок прежнего, уютного и безопасного мира, в котором он некогда жил.

- "В прошлом, - принц начал рассказ, - жил один герой по имени Тринимак, величайший рыцарь Эльнофеев, защитник Дракона Времени. Однажды он отправился на поиски Боэтии, принца даэдра, чтобы наказать того за все злодеяния, причиненные миру.

Но Боэтия знала, что Тринимак ищет его. Боэтия принял облик старухи и стал поджидать героя на тропе.

- День добрый, старуха! - сказал Тринимак, увидев её. Я ищу принца Боэтию, чтобы покарать его. Не скажешь мне, где прячется этот мерзавец?

- Не знаю, - отвечала ему старуха, - но ниже по дороге стоит мой младший брат, и он может знать. Я с удовольствием расскажу, где ты можешь его найти, если ты почешешь мою старую спину.

Тринимак согласился, но когда он увидел спину старухи, та оказалась сплошь в омерзительных нарывах. Но делать нечего, ведь он дал слово, и он почесал спину, покрытую зловонными язвами.

- Спасибо тебе, - прокричала старуха. - Ты найдешь моего брата, если пойдешь дальше и свернешь налево на следующем перекрестке. Тринимак пошел своей дорогой, а Боэтия понесся коротким путем и обернулся стариком.

- День добрый, старик! - поздоровался Тринимак, когда встретил его. - Я видел твою старшую сестру, и она сказала, что ты можешь знать путь к дому принца Боэтии.

- Я не знаю, - отвечал ему старик. - Но моя младшая сестра знает. Я скажу тебе, где её искать, если ты помоешь мне ноги.

Тринимак согласился, но ноги старика оказались ещё более омерзительными и воняли ещё хуже, чем старушечья спина. Тем не менее, он заключил сделку. Старик рассказал ему, где искать его младшую сестру, и вновь Тринимак пошёл дальше, - и вновь Боэтия обогнал его коротким путём и обернулся прекрасной юной девушкой.

Тринимак опасался встречи с младшей сестрой, боясь, что придётся мыть или чесать нечто похуже ног и спины, но, увидев прекрасную девушку, воспрял духом.

- Я встретил твоего старшего брата, - произнес он, - и он сказал, что ты знаешь путь к дому принца Боэтии.

- И правда, я знаю, - заявила она. - И я с удовольствием тебе расскажу, если ты подаришь мне поцелуй.

- Это я могу, - усмехнулся Тринимак, но едва он наклонился, чтобы поцеловать девушку, её рот распахнулся, - столь широко, что вся голова вошла в него, и Бэотия проглотил героя целиком.

Затем Бэотия принял облик Тринимака, и в его облике он рыгал, бздел и говорил глупости, покуда не превратился в огромную кучу навоза. Тогда куча навоза поднялась и, сгорая от стыда, ушла прочь. Не было больше гордого рыцаря. Он стал принцем Малакатом, а все, кто любил и почитал его, тоже изменились и превратились в орков."

Женщина смотрела на Аттребуса нечитаемым взглядом.

- И это была твоя любимая легенда? - удивленно спросила она.

- Да, когда мне было семь.

Она покачала головой.

- Вы, люди, всегда всё воспринимаете буквально.

- Что ты имеешь ввиду? - вдруг его осенило. - Ты ведь альтмер, верно? Высокий эльф? Как же получилось, что ты никогда не слышала о Тринимаке?

- Разумеется, я слышала о Тринимаке, - сухо произнесла Силханса, положив правую руку на пол, ладонью вверх. Ее кожа начала плавиться, стекая на поверхность подобно свече.

- Что ты...

Но Силханса - всё ещё сидя на корточках, - начала расти, и быстро. И, покуда она росла, она менялась; волосы и глаза её посерели, лицо расширилось и теперь походило на морду кабана; появились клыки. Все признаки женственности исчезли, и, когда она встала, принц почувствовал, как пол накренился под ним, и вдруг понял, что это она держит его на огромной поднимающейся ладони. Стены тюрьмы растворились, и то, что называло себя Силхансой, сейчас являло собой существо не менее ста футов в высоту. Рука поднесла его к чудовищному лицу, и в другой руке, оказавшейся рядом, принц увидел Сула, - такого же обнаженного пленника, как и он сам.

- Малакат... - ахнул Аттребус.

- Итак, тебе известно моё имя, - сказал Малакат. Его голос походил на скрип распиливаемого бревна, а дыхание было зловонным ветром. Его глаза казались пустыми черными дырами, но, когда Аттребус заглянул в них, эта пустота исказила его сознание и поглотила все мысли.

Окружающий мир переменялся. Они очутились в саду розовых деревьев, тонкие стволы которых увивали лозы, украшенные цветами, похожими на лилии. Множество сфер перемещались в глубине бледного неба подобно маленьким и далеким лунам. Аттребус слышал пение птиц, но оно звучало печально, словно эти неведомые птицы пытались повторить давно позабытую им мелодию.

- Принц, - выдал Аттребус, чувствуя, что начинает дрожать. - Я не хотел оскорбить Вас. Это была всего лишь история, услышанная мною в детстве. Я и не предполагал...

- Тише! - прервал его Малакат, и Аттребус начал задыхаться, чувствуя, как рот вновь наполняется пеплом. - От тебя я слышал достаточно. Ты меня не интересуешь. А вот ты, Сул... Я помню тебя. Однажды ты поклялся мне вместо твоих богов. И ты собирался проскользнуть через мой план, даже не нанеся визит вежливости? Я оскорблен.

- Принц, примите мои извинения, - ответил Сул. - Я очень спешил.

- И всё же, в этот раз я оказался нужен тебе. Как и мой собственный дом.

- Да, Принц.

Жуткий взгляд Малаката пронзал даже из-под его тяжелых, полуопущенных век. Его ноздри раздувались.

- Оно... всё ещё там, - еле слышно выдавил Аттребус.

- Это место, эта тень в саду, это эхо, отголосок давних событий - ты знаешь этих призраков, Сул?

- Да, - прохрипел он.

- Ты любил женщину, и ради неё ты уничтожил свой город, свой народ, своих людей.

- Я не хотел этого, - сказал Сул, - Я просто пытался спасти её жизнь! Если бы не Вуон...

- Не преуменьшай своей заслуги. Не стремись приуменьшить... красоту своего поступка.

Малакат открыл глаза и посмотрел на них - и от этого взгляда Аттребус едва не закричал - он чувствовал, будто расплавленная латунь вдруг полилась ему прямо в череп.

- Я исцелил твоё изувеченное тело и раны твоего спутника, - сказал Малакат. - Что же мне с вами делать?

- Отпустите нас, - сказал Сул.

- Зачем?

- Мы должны уничтожить Умбриэль.

- Вы пытались. Вы потерпели поражение.

- Потому что у нас не было меча, - с трудом произнес Аттребус, отплеываясь от пепла, что наполнял его рот.

- Какого меча? - воздух точно сгущался, когда Малакат говорил; волосы на руках Аттребуса встали дыбом.

- Существует меч, что зовётся Умбра... - сказал Аттребус.

- Мне это известно, - сказал Малакат. - Оружие, созданное Принцем Клавиусом Вайлом. Меч - похититель душ.

- Но это не всё, - Аттребус продолжил, - Меч был тюрьмой для существа, что также зовёт себя Умброй. Это существо сбежало из меча и украло часть силы Клавиуса Вайла, и это та самая сила, что придает движение Умбриэлю, городу, который мы с Сулом ищем для того, чтобы уничтожить.

Мы верим, что если нам удастся отыскать этот меч, мы сможем заключить это существо в тюрьму и Умбриэль потерпит поражение.

Малакат просто смотрел на него какое-то время, а затем огромная голова слегка наклонилась к одному из исполинских плеч. Что-то неуловимо-детское чувствовалось в этом движении.

- Я слышал, что Вайл ослабел, и что он ищет что-то. Я не питаю к нему любви. Как и к кому бы ты ни было, впрочем, - он бросил быстрый взгляд на Сула, сдвинув к переносице свои огромные тяжелые брови. - О, как я смеялся, когда ты предал их всех, превратив свою родину в такую же пепельную яму, как и моё царство! Гордые потомки Велоти, наконец, унижены! Причем, одним из своих. А данная тобой клятва так и не исполнена.

- Вы можете помочь ему исполнить её! - выпалил Аттребус. Его разбивала дрожь, ему пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы его голос звучал ровно.

- Вы знаете Сула, - он продолжал, уже уверенней, - Вы помнили его клятву все эти годы. Вы исцелили меня. Тайно всё разузнали... Чтобы понять, готовы ли мы. Чтобы убедиться, что Сула всё ещё связывает клятва, данная им много лет назад. Что он по-прежнему жаждет мести.

Малакат снова качнул головой, и позади него начали обрушаться деревья и овивающие их цветочные лозы, превращаясь в облако черных бабочек, которое заполнило всё окружающее пространство.

- Есть некоторые вещи, к которым я испытываю своего рода любовь, - сказал Принц Даэдра. - Чувство, которое живёт в Суле, как раз из таких вещей. Так что, да, я помогу вам. Этот меч, Умбра - ты знаешь, где его искать?

Губы Сула вытянулись в ниточку.

- Как же вы попадете туда без моей помощи?

- Где-то на Солстхейме, я думаю, - Сул ответил с явной неохотой. - В руках того, кто носит перстень с печатью драугра.

Малакат кивнул; Аттребусу показалось, что гора начала падать на него.

- Я могу отправить вас на Солстхейм, - сказал Принц. - Не разочаруйте меня, - два огромных глаза уставились на Аттребуса. - А ты - если ты когда-нибудь мне понадобишься... ты узнаешь об этом.

- Да, Принц, - ответил Аттребус.

Малакат ухмыльнулся, обнажив острые клыки. А затем ударил в ладони.

- Это... взаправду? - выдохнула Мазгар гра Ягаш, округлив глаза и борясь с желанием выхватить меч. Летающие горы - нечастое зрелище.

Она сняла мешающий шлем. Когда *это* прошло сквозь высокие кроны берез, она увидела парящую в небе перевернутую гору с острым, прорезающим воздух пиком, направленным вниз, к земле. Лес цеплялся за пик, и ветви с ветками разлетались в разные стороны. Затем взору предстали странные шпили и блестящие сооружения на вершине, строения, природа которых могла быть только рукотворной.

- У тебя были сомнения? - спросил Бринус. Его рука с зажатым в ней карандашом мелькала над листом бумаги, зарисовывая это нечто. - Мы ведь пришли сюда именно затем, чтобы его увидеть.

- Потому что... это нелепо! - сказала Мазгар.

- Ни разу ни слышал, чтобы орк использовал это слово, - проворчал Бринус. - Я был уверен, что ваши люди верят во всё подряд.

- Я не верю, что твой нос выдержит удар моего кулака, - огрызнулась она.

- Ну хорошо, хорошо, - сказал он, - я тоже не сразу поверил. - Но поскольку я опередил тебя, не думаю, что ты станешь меня бить, - Бринус откинул падающую на лицо прядь грязно-рыжих волос и отвел взгляд от летящей горы. - В любом случае - нелепица это или нет, - но гора - настоящая. Ты собираешься что-либо предпринять?

- Охранять тебя, - сердито бросила она.

- О, да, я чувствую себя в полной безопасности.

Мазгар закатила глаза. Технически Бринус был старшим по званию, и это её бесило, потому как не тот не был воином - или, на край, хоть боевым магом. Как и у большинства магов, его задачей в экспедициях являлось изучение всяких непонятных штук на расстоянии. Бринуса произвел в ранг сам Император, буквально за несколько дней до того, как они покинули Имперский Город. Но, вероятно, император был прав - никто лучше Бринуса не разбирался в подобных вещах, и он был частью её команды, так что она приняла его, как своего.

Они стояли на высоком, голом хребте, на расстоянии примерно тридцати футов от кромки леса внизу. Воздух был чист, видимость - хорошей.

Впереди нее четверо магов, коллег Бринуса, занимались своими чародейскими делами: читали заклинания нараспев, направляя свои бессчетные волшебные устройства на перевернутую летающую гору, и наколдовывали невидимые крылатые штуки, которые она заметила лишь потому, что те на мгновение прошли через дым, представив свои очертания. Двое других колдунов расставляли вокруг них маленькие, горящие багрово-черным пламенем, свечи.

Они ставили их заново всякий раз, когда те догорали; свечи были призваны каким-то образом укрыть колдовство от посторонних глаз, сделать незаметным для кого-либо - или для чего-либо.

Мазгар положила руку на рукоять из слоновой кости Сестры - так звали её меч, - прищурилась и облизала клыки.

- Я считаю, он милях в шести. А вы что скажете?

- Чуть больше восьми, если полагаться на диагностирующие чары Яруса, - ответил Бринус.

- Больше, чем я предполагала.

- Да ну? - он положил записную книжку и достал что-то похожее на подзорную трубу, но Мазгар поняла, что устройство ей не является. Бринус посмотрел в трубу, пробормотал какую-то абракадабру, повернул ручку на устройстве, и посмотрел снова. Он почесал свои рыжие волосы, обрамляющие желтоватое лицо нибинейца, и нахмурился.

- Что случилось? - спросила она его.

- Оно... не в этом мире, - сказал он.

- Что ты имеешь ввиду? Я смотрю прямо на эту гору!

- Верно, - сказал он. - Противоречиво звучит, понимаю. И я уверен, что она есть, так или иначе. Но моя труба видит пузырь из Обливиона.

- Пузырь из Обливиона?

- Да. Ты знаешь, такое неприятное место, где живут даэдра. За пределами мира.

- Я знаю, что такое Обливион, - оскалилась она. - В прошлом мой дед закрыл одни из врат Дагона. Они были одновременно и в этом мире... и в том.

- Ну, это как те врата, только замкнутые на себе. Довольно странно.

- Эта информация поможет нам справиться с этим?

Бринус пожал плечами.

- Даже не представляю себе, как, - сказал он. - В любом случае, мы не станем атаковать. Мы здесь лишь для того, чтобы выяснить всё, что сумеем, и доложить Императору. Гора по-прежнему движется на север, к Морровинду. Возможно, она и вовсе не станет угрозой Империи.

Мазгар снова перевела взгляд на остров.

- Как *это* может не быть угрозой? - пробормотала она, чувствуя, как жесткие волосы на шее и спине встали дыбом, а сердце ускорило ритм. Она поймала мрачный взгляд Бринуса, и она вдруг осознала, что всё это время тихо рычала.

- Не волнуйся, - сказал он.

- Оно... наблюдает за нами.

- Сомневаюсь.

- Нет, - отрезала она, - Я... ощущаю его присутствие, чувствую взгляд...

- Должно быть, это какое-нибудь орочьё шестое чувство? Нечто вроде благодати, снисходящей на вас, когда вы не моетесь?

- Я не шучу, Бринус. Что-то не так. Я чувствую...

Но вдруг ветер переменился, и новый запах заставил Мазгар принюхаться.

- В воздухе пахнет смертью, - прорычала она, выхватывая Сестру из ножен. - Эларам! - взревела Мазгар, хватая Бринуса за руку и толкая его в сторону, к остальным колдунам, где воины из её отряда уже пытались сформировать фалангу.

Она не была рядом, когда *они* показались из-за деревьев.

- Значит, это всё-таки правда...

- Во имя Девяти... - выдохнул Бринус.

Они выглядели мёртвыми и пахли смертью. Большинство - трупы аргониан, это было видно по их гниющим мордам, разложившимся хвостам и всё ещё острым зубам, торчащих из гноящихся дёсен, в которых роились черви. Другие при жизни были людьми. Среди мертвецов виднелись звери и существа. Они двигались дергано, будто не зная, как правильно использовать свои конечности, но всё же неумолимо приближались в стремительном марше.

А они маршировали, - шли в шеренгу, ровно, - насколько, конечно, позволяла горная местность. Мертвецы были вооружены, кто чем - кто мечами, кто булавой, кто нёс копья, но более половины из них тащили неотесанные дубины или вообще не имели оружия, - но всё равно мертвецов было больше, во много раз больше чем их тридцать человек...

Но больше, чем остальное, Мазгар поразили их глаза. До неё доходили слухи, что армия мертвецов идёт под летающим городом. Она представляла себе чудовищ со взглядом тупых озверевших быков. Но, когда они оказались рядом, она увидела нечто иное, - их взгляд был осознанным, а глаза сверкали злым, лихорадочным блеском, озаряясь темной радостью в предвкушении злодеяний.

- Они идут с юга! - прокричал кто-то.

Это были дурные вести. Они оставили лошадей и большую часть запасов там, внизу, не говоря уже об оставшихся охранять их шестерых солдатах.

- В шеренгу, стройся! - закричал капитан Фелкас. - Мы дадим бой.

- Я думала, они должны были идти под остовом! - сказала Мазгар. - От острова до сюда неблизкий путь...

- Что ж, - ответил Бринус, - это цена разведки, верно? Зато теперь мы знаем то, чего не знали раньше. Они способны посылать свои войска на большое расстояние от острова. На очень большое расстояние...

- Мы не можем позволить поймать себя здесь в ловушку, - сказал Фелкас. - Мы должны выбрать направление и прорвать оцепление.

- Юг поможет нам добраться домой, капитан, - крикнул Мирзан Крепкий.

- Юг так юг, - сказал капитан. - Перестроится, живо!

Мазгар встала в замыкающую шеренгу, рядом с Яро, Мирзаном, и Коалс. Она вытащила щит из-за спины и приготовилась к бою, глядя на стремительно приближающихся мертвецов.

- А вы думали, наш поход будет скучным, - раздался из-за её спины голос Бринуса.

Фелкас закричал, и фаланга начала движение. Мазгар и её линия попятись, медленно, - мертвецы ускорили шаг, и, когда до них оставалось каких-то шесть ярдов, атаковали.

Мазгар взвыла, и замахнулась мечом на существо, которое некогда было двуногим ящером. Сестра врезалась в голову мертвеца, и голова раскололась, полетели во все стороны личинки и сгнившая плоть.

Рядом раздался крик Яро и булькающий звук.

- Яро погиб! - проорал Мирзан. - Сомкнуть строй!

Они отходили назад, ярд за ярдом, яростно кроша сгнившие кости. Отступая, она увидела тело Яро, лежащего лицом на земле.

Затем, сквозь окружающих его мертвецов, она увидела, как он поднимается.

- Яро жив! - взревела она.

- Он мёртв, - крикнул Мирзан. Его огромный молот поднимался и обрушивался на противников.

- Но... - начала было она. И тут она увидела зияющую рану на его теле и злой темный блеск его глаз, и поняла, - тот, кто стоял перед ней, больше не был Яро.

- Мда, это нехорошо, - задумчиво произнес Бринус.

- Южная линия, - закричал Фелкас, - ускоренный марш, солдаты! Тылы, не подпускайте их! Мы прорвёмся или умрём.

- Я не собираюсь здесь подыхать, - прорычала Мазгар и, покрепче сжав рукоять Сестры, ринулась в бой.

Глава 1

Глаза Колина заставил открыться ветер, но сердце забилося тревожней не от ветра, а от распахнутого окна, а пальцы из-за полнейшего беззвучия потянулись к ножу под матрасом. Там руку Колина ждала чужая рука, которая схватила его за запястье прочной хваткой. Он резко вскочил, чтобы пнуть смутную тень, но теперь его схватили и за лодыжки, на голову натянули мешок, после чего Колина обрушили обратно в сон, что, может, и было бы великодушно, не кричи часть Колина остальному в нем, что он может никогда не проснуться.

Но он проснулся. Мешок и сонливость остались, хотя створное зелье, очевидно, уже начало выдыхаться. Он лежал на жесткой поверхности, ощущая нечто вроде покачивания - и, судя по всему, находился в лодке, на воде. Его руки и ноги были крепко связаны. Похитители молчали, но он слышал их напряженное дыхание и шлепки весел о воду. Колин ничего не видел сквозь толстую ткань мешка за исключением света, но он чувствовал солнечные лучи на коже и предположил, что приближается полдень.

Немногим позже он почувствовал легкий толчок - лодка причалила к берегу. Запахло хвоей. Похитители разрезали веревки на его ногах и повели куда-то, подталкивая за плечи. Колин было решил попытаться заговорить с ними, но его похитители вели себя, как профессионалы, так что он знал, что от этого не будет особого толку, раз всё это время свою работу они делали молча. Всё, что ему оставалось, это ждать и надеяться на чудо. Что вообще с ним собираются делать? Сможет ли он принять свой конец?

Однажды Колин убил человека. Тот умер - загнанный в угол, он молил о пощаде, не желая признать свою скорую смерть даже после того, как нож пронзил его тело.

Колину вдруг отчаянно захотелось увидеть свою мать напоследок, - он понял, что плачет, - и устыдился себя самого. Он хотел быть смелее...

С его плеча убрали руку. Колин старался не дрожать.

Один из похитителей - мужчина, - издал своеобразный звук, вздохнув, как очень усталый человек, которому, наконец, удалось прилечь.

- Что? - спросил другой перед тем, как так же тяжело вздохнуть.

Колин услышал два отчетливых щелчка - миг - и всё стихло. Но, стоило ему лишь подумать о побеге, как женский голос спросил:

- На кого ты работаешь?

Он узнал этот голос, и на спине проступил холодный пот. В последний раз Колин слышал его в доме Торгового Района Имперского Города, как раз перед тем, как владелец этого голоса убил по меньшей мере восьмерых человек...

- Подойди, - сказала она. - Отвечай мне.

- Я не имею права говорить.

- Не шевелись, - сказала она. Через мгновение мешок слетел с его головы.

Перед ним стояла она. Литайна Эрис. Из-за миниатюрной фигурки, курносого носа и коротких светлых волос она походила на маленькую девочку, на ребенка, но Колин знал, что ей тридцать один год, и холодный блеск её голубых глаз был совершенно недетским.

И она, щурясь, смотрела на него.

- Твоё лицо мне знакомо, - сказала она. - Где-то я тебя уже видела. Не думаю, чтобы я ошибалась.

Позади неё на земле валялись два тела. Оба были мужчинами; один босмер, другой - аргонианин. Они выглядели мертвыми, хотя на телах отсутствовали видимые повреждения.

- Они привели тебя сюда, чтобы убить, - сказала она.

- Я так и понял, - ответил Колин. - Я благодарен тебе за то, что ты их... остановила.

- Неужели? Мы вернемся к этому через минуту, - она убрала руки за спину. Одета она была по-босмерски, в жилетку и штаны из мягкой кожи, и обута в высокие сапоги. Он подумал, что на ней этот наряд выглядит странно - хотя он лишь однажды видел её в платье, в сравнительно престижном районе Имперского Города.

- А что, если я скажу, что те двое работали на меня? - спросила она.

- Я бы вконец запутался, - осторожно сказал Колин.

- Да, я ждала подобного ответа, - сказала она ему. - Эти двое заметили, что ты следил за мной и сообщили мне об этом. Поэтому, разумеется, я решила сама убедиться. Итак, ты у нас - Колин Вайнбен, родом из Анвила. Отец умер, мать - прачка. Тебя рекомендовали ко двору, и ты был принят в агенты Пенитус Окулатус, а с недавних пор произведен в инспекторы. Именно ты обнаружил мертвыми всю личную охрану принца Аттребуса, и догадался, что убийство принца было подставным. А ещё это именно ты был тем, кто доложил Императору о том, что на самом деле принц может быть жив. Что ж, как выяснилось, ты был прав насчёт этого. А сейчас ты шпионил за мной, но, кажется, без официальных на то полномочий...

- Зачем ты убила их? - перебил её Колин.

- Потому что в противном случае мне пришлось бы убить тебя, - она щёлкнула пальцами.
- Так что будем считать, что я послала их на задание, оказавшимся для них фатальным. Иначе эти двое весьма удивились бы, увидев, что ты остался в живых, и эта весть донеслась бы вплоть до министра.

- Ничего не понимаю, - сказал Колин.

- Я рискую своей шеей из-за тебя, идиот, - вдруг резко произнесла Эрис. - Разве ты этого не видишь?

- Я заметил, - ответил он. - Я просто не могу понять, почему.

Эрис вытащила нож из-за пояса и подошла вплотную к Колину. У него перехватило дыхание, но Эрис просто перерезала веревки, что связывали его руки. Затем она сделала шаг назад и ослабила завязки на собственных штанах и потянула один шнурок вниз, обнажив бедра.

- Ты знаешь, что это такое? - спросила она, указав на маленькую черную татуировку в виде волчьей головы.

Конечно, он знал. Эта была личная печать Императора, что носили лишь его самые доверенные приближенные. Он ничего не сказал, но она поняла, что Колин узнал печать. Тогда Эрис, вернув штанину на место, завязала шнурки.

- Он принял меня в палату министров десять лет назад, - сказала она. - Ни одна душа не знает об этом, только он и я. А теперь знаешь и ты.

- Зачем ты мне рассказала?

- Потому что мне нужна помощь, и я полагаю, что у нас одна цель.

- Какая?

- Выяснить, почему министр Иерем хочет, чтобы принц Аттребус был мёртв.

- Так это его рук дело?

- Я считаю, что да, - сказала она. - Я договорилась о засаде именно по его приказу.

- Почему?! - взорвался Колин. - Если ты верна Императору...

Она залилась лающим смехом.

- Ты знаешь, - сказала она. - Ты был там, не так ли? Когда я позаботилась о Калваре и его головорезах. Я так и знала, что там кто-то был! - она на мгновение закрыла глаза, и выглядела очень усталой. - Я не хотела, чтобы принц попал в беду, - сказала она. - Если бы я смогла донести весть Императору, я бы сделала это. В тот момент это было невозможно, по крайней мере, не раскрывая себя перед Иеремом. В конце концов, пришлось принять решение.

- И ты решила, что ты более важна, чем принц?

- Да. Если бы ты знал хоть что-нибудь о принце, то наверняка со мной согласился.

- И всё же, Иерем хочет его убить.

- По всей видимости.

- Тогда почему Император не отдал приказ арестовать министра?

- Когда я только начинала служить Императору, у того не было никаких проблем с Иеремом, он относился к нему с обычной осторожностью, коя и должна быть у любого хорошего правителя. Большую часть времени за последние десять лет министр был вне подозрений, однако год назад он начал испытывать меня, сперва тайно, а после в открытую. Стало ясно, что он хочет создать свою личную тайную шпионскую организацию, не связанную ни с Пенитус Окулатус, ни с Императором. Нападение на Аттребуса стало для меня неожиданностью. Я не видела, как это произошло. Однако принц выжил лишь потому, что некоторые убийцы оказались слишком жадны до наживы.

Император же не готов выступить против Иерема ещё и потому, что он не верит, что нам всё известно, а ещё потому, что министр является важной политической фигурой - и очень, очень важной фигурой. Сам Император ещё жив лишь потому, что ждёт - и пока что не знает, на чьей стороне сосредоточены силы, - прежде чем нанести удар. Сам Иерем считает, что пока что ему удастся действовать тайно. Мы хотим, чтобы он так считал как можно дольше. А вот здесь на сцену выходишь ты, если ты, конечно, готов...

- Готов к чему?

- Иерем сейчас целиком и полностью доверяет мне. По крайней мере, я так считаю. Но это ограничивает мои возможности... И я не могу доверять никому в министерстве. Я могу открыть некоторые двери, но мне нужен свой человек, кто-то, кто смог бы войти в них. Ты готов стать таким человеком?

Колин задумался. Эрис может говорить правду, но она может и лгать; таким образом, это не имеет значения. Если он согласится помочь ей, он может получить ответы на вопросы, даже если она будет им управлять. Если он скажет "нет", то, скорее всего, его костям предстоит валяться на этом острове целую вечность.

- Я готов, - наконец, ответил он ей.

Глава 2

Почувяв запах крови, Светло-Глаз стал погружаться ещё глубже в недра Клоаки Сущностей, пытаясь найти источник. Запах крови не был чем-то необычным в этих водах; тела сбрасывали сюда ежедневно, многие погибали не сразу, пытаясь бороться с наступающей смертью. Но та кровь не была столь свежей, - в той однозначно чувствовался запах гнили, - и Глаз решил удостовериться, что всё в порядке.

Он закрыл глаза и расширил свои ноздри рептилии, и когда определил поток, несущий запах, направился вдоль него. Перепончатые руки и ноги стремительно несли его сквозь прозрачные воды. Через пару мгновений он увидел, как в воде беспорядочно дергается фигура, пытаясь всплыть на поверхность.

Когда Глаз, наконец, доплыл до неё, в её глазах уже почти не осталось жизни. Он даже не был уверен, что она успела увидеть его. Кровь ещё вытекала рассеянными облачками через её ноздри и широко распахнутый рот. Глаз заплыл ей за спину и начал толкать наверх, но, когда они достигли поверхности, она уже обмякла подобно тряпичной кукле.

И всё же он потащил её в пещеры вдоль линии берега, и положил на маленькие дроги, который его коллеги сделали из ткани и тростника, чтобы на них складывать мёртвых. В солнечном свете она выглядела старой, потрепанной, с темными мешками под глазами и волосами, подобными гладким водорослям, но здесь, в тусклом свете, исходящем от стен пещеры, она казалась моложе лет на десять-пятнадцать. На Умбриэле люди рождаются уже взрослыми, и у тех, кто родился, чтобы быть скроу и выполнять всю черную работу, не было ничего, что бы напоминало о детстве.

Он услышал, как кто-то приближается, и, оглянувшись, увидел своего друга Верта и юного скроу по имени Олас.

- Хокин, - вздохнул Верт. - Я знал, что она не протянет долго.

- Мне жаль, - сказал ему Глаз. - Я не успел добраться до неё вовремя...

- Это не имеет значения, - сказал Верт. - Даже если успел бы, она погибла бы через день.

- День - это целый день, - сказал Глаз.

Верт опустился на колени перед женщиной и долго всматривался в её лицо, и сам выглядел печальней обычного.

- Когда мы уже сдвинемся с мертвой точки? - спросил он, не поднимая глаз. - Не пора ли сделать следующий шаг?

- Мы закончили карту, - выпалил Олас. Совсем молодой, ему было не более трёх; кожу едва тронула желтизна, для скроу признак возраста.

- Хорошо, - ответил Глаз.

- Ну, как говорит Верт, что теперь? - Олас приготовился с жадностью внимать каждому слову.

- Я по-прежнему занимаюсь разработкой плана, - ответил им Глаз.

- Ты взволновал каждого, Глаз, - сказал Верт. - Ты подарил всем нам надежду. Но теперь... Поговаривают, ты решил пойти на попятную.

- Мы должны подготовиться, - ответил Глаз, - и действовать осторожно. Обратной дороги не будет. Все ли это понимают?

- Ещё как понимают, - возразил Верт. - Каждый из нас готов сделать всё что ты скажешь, Глаз. Но ты должен сказать хоть что-то.

Глаз почувствовал, как его сердце сжалось.

- Скоро, - сказал он.

- Как скоро?

- Я дам вам знать.

Верт нахмурился, но кивнул. Затем он повернулся к Оласу.

- Иди с Глазом. Он покажет тебе нижнюю клоаку. Ты будешь работать внизу вместе с ним.

- Это большая честь для меня, - сказал Олас.

Глаз ждал, пока Олас вдыхает пары и чувствовал себя виноватым. Ядовитые испарения позволяют дышать под водой, но они также убьют Оласа, в конце-концов, как они убили Хокин. Из всех скроу он был единственным, кто не родился на Умбриэле, единственный аргонианин, - и единственный, кому не нужно было травиться парами чтобы дышать на глубине.

Когда юноша присоединился к нему на мелководье, Глаз провел его ниже по конусообразному потоку и указал на прицепленные к стене коконы. Внутри каждого находилось нечто, что сперва походило на маленькие личинки, но уже было понятно, что это зародыши будущих обитателей Умбриэля на разных стадиях развития. Он дотронулся до одного из ближайших - долговязой женщины, которая - судя по внешности - будет человеком. Рядом с ней росло существо с рогами и кирпичного цвета кожей, а чуть поодаль - мужчина с пепельной кожей, как у данмеров. Они все зарождались, как личинки, однако уже здесь, внизу, они все являлись жителями Умбриэля.

Глаз старался не раздражаться, глядя на горящие от восторга глаза Оласа, когда объяснял тому, как ухаживать за нерожденными и как перемещать их в родильные резервуары когда приходит их время, и как узнать, что время пришло. Он точно знал, что Олас едва ли запомнил половину из его объяснений. Глаз поглядывал по сторонам, особенно вниз, на дно клоаки, где поблескивали светящиеся кораллы, связанные с Инжениумом.

- Тебе интересно, что это? - спросил Глаз.

- Это Инжениум, - сказал Олас. - Сердце и душа Умбриэля. Если мы будем контролировать его...

- Даже если бы нам это удалось, - сказал Глаз, - это было бы слишком.

- Но если мы и вправду поднимем восстание, будем биться против господ...

- Тсс, тсс, не торопись, - сказал Глаз. - Разве кто говорил о сражении? Или ты имеешь в виду борьбу в целом?

- Ну, я предполагал... мы думали... что всё к этому и идёт, - сказал Олас.

- Кто это "мы"? - спросил Глаз.

- Ой, - он выглядел смущенным. - Я не должен был Вам говорить...

- Говорить мне что?

- Молодые скроу. Мы называем себя Проблески. Мы поклялись следовать за Вами и помогать Вам.

Глаз почувствовал, как пространство сжимается в точку.

- Послушай меня! - сказал он. - Наша задача проста: мы хотим замену ядовитым парам, так что вам не придется надирать легкие и умирать рано, - просто делать свою работу. Мы ищем способы доставить лордам неприятности, чтобы они обратили внимание на наши нужды. Мы не хотим с ними сражаться.

- Верно, - сказал Олас. - Доставить неприятности. Но как?

- Итак, что мы, скроу, делаем? Работаем в клоаке. Это означает, что еда, вода, питательные вещества для всех на Умбриэле проходят через нас - и, конечно, мы отвечаем за новорожденных. Нам нужно просто-напросто подчеркнуть нашу ценность, показать, что будет, если встанет работа внизу, - или если что-то сломается, засориться или что-нибудь в этом роде. Ты понимаешь?

Олас энергично закивал.

- Да! - сказал он, и вдруг его взгляд метнулся в сторону, за спину Глаза. - Что это там?

Глаз обернулся и увидел маленький кокон, почти прозрачный, и в нем существо, свернувшееся клубком. Совсем маленькое, но не похожее на ребенка - скорее, на несформировавшегося и низкорослого взрослого. Существо было покрыто чешуйками бледно-розового цвета, и у него были огромные глаза и крошечные коготки.

- Это аргонианин, - сказал он.

- По сравнению с Вами он выглядит... маленьким.

- Вскоре он станет больше похожим на меня, - сказал Светло-Глаз. - Я тоже аргонианин.

Он знал, что это произойдет, но теперь, когда это случилось, он чувствовал, что у него внутри всё сжимается.

Он отчаянно хотел увидеть Аннаиг.

- Мне действительно жаль, что я пыталась убить тебя, - пробормотала Слир.

Аннаиг моргнула и уставилась на серокожую девушку, которая ерзала на месте, стоя напротив неё с другой стороны стола.

- Ты попыталась снова, или ты говоришь про прошлую неделю? - спросила она.

Красные глаза Слир округлились.

- Я не пыталась снова, клянусь!

- Хорошо. Ну, за прошлый раз ты уже извинялась, - сказала Аннаиг. - Это означает, что сейчас ты тратишь моё время.

Слир не ответила, но и не ушла, - просто стояла, переминаясь с ноги на ногу. Не желая смотреть продолжение этого раздражающего спектакля, Аннаиг наклонилась над своей готовящейся эмульсией из лошадиных мозгов и гвоздичного масла, и принялась энергично взбивать серое месиво, добавляя время от времени по несколько капель масла. Когда эмульсия достигла консистенции густого соуса, Аннаиг отставила посудину в сторону.

Слир всё ещё стояла там.

- Что? - взорвалась Аннаиг.

- Я... Вы не дали мне никакой работы.

- Хорошо! Поручаю тебе идти и сидеть в наших комнатах.

- Мне надо работать, - чуть не плача, взмолилась Слир. - Тоэл и так считает, что от меня мало толку. Если он увидит, что я бездельничаю... Я боюсь, Аннаиг.

Аннаиг закрыла глаза и сосчитала до четырех. Когда она их открыла, она почти ожидала увидеть Слир, бросающуюся на нее с ножом, но Слир просто стояла на месте. Вид её был совершенно жалок.

- Почисть дуриан, - сказала Аннаиг.

- Но...

- Что теперь?

- Дуриан очень вонючий, - она махнула рукой в сторону её готовки. - А что ты готовишь?

"Она просто лазутчица", - подумала Аннаиг. "Пытается украсть мои идеи".

Но ведь это не имеет значения, так ведь?

- Я извлекаю ужас, - сказала она.

- Что-что?

Анниаг подняла со стола посудину с эмульсией.

- Ужас, страх, радость - любая сильная эмоция оставляет после себя след в головном мозге.

- Но если душа извлечена, разве эмоции не уйдут вместе с ней?

Анниаг улыбнулась, несмотря на то, что компания была не самой приятной, и соскребла немного эмульсии в стеклянную колбочку, отделив три четверти с помощью тонкой мембраны.

- Что это? - поинтересовалась Слир, указывая на мембрану.

- Это "мембрана настроения" угря-химеры, - ответила она. - Она меняет цвет в зависимости от того, какие эмоции испытывает рыба. Я переделала эту, чтобы она реагировала только на эмоцию ужаса.

- Ты фильтровала ужас лошади через кожу угря?

- Специально подготовленную кожу угря, - ответила Анниаг. Она положила колбу в маленькую центрифугу и повернула ручку, раскручивая флакон. Через несколько мгновений она вынула его и подняла перед собой, демонстрируя бледно-желтый ихор на дне колбы.

- Это и есть ужас? - спросила Слир. В её голосе звучали скептические нотки.

- Ты хочешь узнать, так это или нет? - спросила Аннаиг.

- Хочу. Пожалуйста. И, мне очень жаль...

- Сядь, не мельтеши. Это действует мне на нервы.

Слир опустилась на стул и сложила руки на коленях.

- Ты была права, в каком-то смысле. Ужас - как и любая эмоция - это не просто химия. Но эта субстанция действует подобно перегонному кубу, формируя душевную материю, точно так же - только на более высоком уровне - работает сознание и тело.

Она открыла небольшой клапан на дне колбы и вылила жидкость в маленький стеклянный конус. Затем она закупорила второй, точь-в-точь такой же конус. Она встряхнула контейнер, так, чтобы жидкость равномерно покрывала поверхность, а затем засунула его в катушку из полупрозрачных волокон, которая, в свою очередь, была присоединена к пульсирующим кабелям из того же материала, что тянулись по полу и рабочему месту.

- Теперь мы проведем энергию души через субстанцию, - сказала Аннаиг. - Химический ужас сам притянет всё, что ему требуется для того, чтобы стать ужасом настоящим.

Мгновение ничего не происходило; затем щупальце засветилось слабым лавандовым цветом, и - резко - перестало быть прозрачным.

Аннаиг дождалась нужного момента, затем переместила щупальце и вновь потрясла его. Покрывающие изнутри кристаллы отпадали и оседали в одном конце, превращаясь в вязкий порошок. Она открыла крышку, которая удерживала щупальце вместе с субстанцией эмоции. Затем она положила немного новообразованной субстанции в роговую ложку и осторожно передала её Слир.

- Теперь она у тебя, - произнесла Аннаиг.

Слир, щурясь, смотрела на лавандовую субстанцию.

- Я... я должна это съесть?

- Если захочешь...

- Пожалуй, не стоит, - сказала Слир, опасливо дотронувшись пальцем до субстанции. Та оказалось слегка липкой, и Слир подвигала её взад и вперед. - Оно... чувствует?... - но затем её лицо исказилось; глаза стали огромными, на шее отчетливо проступили вены; и вдруг она завизжала. Она упала со стула и свернулась калачиком, судорожно хватая ртом воздух, так нужный ей, чтобы кричать.

- ...или ты можешь просто прикоснуться к ней, - сказала Аннаиг. - Легко всасывается через кожу.

Вместо ответа Слир бесконтрольно дрожала - она уже перестала кричать. Для Аннаиг следующие несколько секунд тянулись целую вечность; часть её существа жаждала продолжить наблюдать за муками Слир. Гнев был прекрасен - ведь сама его суть не предполагала сомнений. Когда тебя охватывает праведный гнев - кажется, что само мироздание благоволит тебе. В этот момент ты - бог, и каждый, кто перешел тебе дорогу, каждый несогласный с тобой - все они становятся еретиками, отступниками, жалкими зародышами, извивающимися в материнском чреве.

Слир заслужила это. И даже большего.

Но тогда почему сквозь этот прекрасный, очищающий гнев она чувствует, как болезненно сжимается её сердце? Почему происходящее кажется таким неправильным?

Потому что она никогда по-настоящему не злилась на Слир. Она злилась на то, что все её надежды на бегство с Умбриэля оказались разрушены. Она злилась на себя, - глупую маленькую девочку, которая надеялась спасти мир подобно героям легенд, а вместо этого проведет остаток своей жизни в этом отвратительном месте среди отвратительных людей. И одним из таких людей была Слир. Но, так или иначе, она не хотела смотреть, как Слир теряет рассудок. Так что, вздохнув, она откупорила пузырек, - припасенный для себя, с противоядием на случай непредвиденного исхода эксперимента, - и поднесла к носу Слир. Девушка жадно вдохнула эфир, - её сильно потрянуло и она тут же обмякла. Она всё ещё тяжело дышала, но взгляд уже стал осознанным.

Глаза Аннаиг были закрыты, но он уже знал, что она плакала, так что она не стала даже пытаться стереть следы плача. Это лишь усугубило бы ситуацию, выставив её, Аннаиг, ещё более слабой.

Она повернулась и встала со стула. Её щеки всё ещё блестели от слёз.

- Шеф Тоэл, - поздоровалась она.

Когда она впервые увидела Тоэла, тот показался ей обладателем мрачной, но зловеще-красивой внешности; его невероятно синие глаза, казалось, заставляют в них утонуть.

Но сейчас он выглядел просто опасным, как готовая к атаке гадюка.

Он бросил выразительный взгляд на багряную субстанцию в стеклянном конусе.

- Что это у тебя там? - спросил он.

- Ужас, шеф.

- Хорошо. Дашь мне попробовать?

- Он довольно сильный, шеф, - нерешительно сказала Аннаиг.

- Что же, я буду осторожен.

Аннаиг отделила ему немного и, затаив дыхание, смотрела, как Тоэл подносит субстанцию к губам и как она касается языка. Его глаза мечтательно расширились и, до того, как его тело начало слегка вздрагивать, он зашипел. Маленькие искорки танцевали на его коже, и она почувствовала, как крошечные волосики на её лице потянулись к нему.

Затем Тоэл опустил глаза, посмотрев на неё. Его взгляд всё ещё оставался немного странным.

- Совершенно, - тихо сказал он. - У тебя столько талантов, малышка. Такие прекрасные идеи. Всё, чего тебе не достает - это немного напористости. И немного амбиций.

Он слегка улыбнулся.

- Я видел Слир. Она выглядела так, точно увидела самый страшный кошмар из всех существующих.

- Она пробовала субстанцию, шеф.

- Это ты угостила её?

- Я.

- Отлично, отлично. Это прогресс. Но почему она всё еще на ногах? Не думаю, что она в состоянии усвоить подобную пищу. Я полагал, она лишится рассудка.

- Я дала ей противоядие, - призналась Аннаиг.

Мгновение он смотрел на неё, потом несколько раз щелкнул языком. Его глаза - которые покорили её своим уверенным блеском - потухли, и Тоэл отвел взгляд в сторону.

- Что ж, отлично... - сказал он. - Я думаю использовать это в приправе к кролику и белянкам, которые я готовлю для тридцать третьего блюда лорда Эрила. Немного разнообразия для него. И, возможно, - если ты сумеешь, - сделаешь мне порцию раскаяния?

- Я не уверена, что лошадь способна испытывать раскаяние, шеф.

- Отлично, - сказал он. - Кану сильно обжегся сегодняшним утром, когда дистиллировал флогистон. Я пришлю тебе его голову.

- Но если он всё ещё жив...

- Лечить его - трата времени и ресурсов, и он не сможет работать в течении многих недель. Так он будет полезнее.

Она знала Кану. Он был веселым, всегда рассказывал короткие, милые шутки и жонглировал фруктами.

- Шеф... - начала было она.

Тоэл закатил глаза.

- Это не то же самое, как если бы ты сама убила его, - сказал он, и удалился.

Она опустилась на стул, дрожа всем телом.

- Что же я делаю? - прошептала она.

Ей отчаянно хотелось увидеть Глаза.

- Что ты делаешь? - спросил Светло-Глаз на следующую ночь на их еженедельной встрече. Встречи проходили в одном из старых шламовых фильтров, пустом и заброшенном, который находился под кладовой, если спустится вниз на несколько ярдов. Отсюда было слышно, что происходит на кухнях, - в эту ночь ничего, как обычно, - а Глазу отсюда было бежать всего несколько футов до трубы, ведущей обратно, в клоаку, если вдруг появится посторонний.

- Я пытаюсь выяснить, почему мы не смогли покинуть остров, - сказала ему Аннаиг. - Я уверена, это как-то связано с тем, что Умбриэль использует души. По крайней мере, это точка отсчета для поисков. Но я не могу проводить исследования, ничего не готова, - в этом случае Тоэл решит, что я для него бесполезна. И, если это случится - мне конец. Спроси бедного Кану.

- Ты всё правильно делаешь, - сказал Глаз. - Ты не можешь себя винить за поступки Тоэла.

- Он, возможно, оставил бы Кану жизнь, если бы не я...

- "Возможно" и грязь - отличные места, чтобы вывалиться в них, - сказал Глаз.

- Тебе легко говорить, - ответила Аннаиг. - Ты никого не убивал, - она сжала кулаки. - Я виновна во многих смертях, Глаз. Не только Кану. В смерти каждого в кухне Куиджн. И, вероятно, Аттребуса.

- От него никаких вестей?

- Нет, - голос её стал несчастным. - Я говорила с ним как раз перед нашей попыткой побега. И он был совсем рядом, Глаз. Я опасаясь худшего.

- Ты ведь не знаешь наверняка, - сказал Глаз. - Он мог потерять Щебетуна, или он может быть там, где чары не действуют.

- Может, и так.

- Но даже если с ним что-то случилось - это не наша вина.

- Если бы у меня было больше информации, я смогла бы ему рассказать...

- Ты сделала больше, чем он мог от тебя ожидать, - ответил Глаз. - И больше, чем сделал я.

- Вздор. Если бы ни ты, я бы не узнала и половины того, что знаю об этом жутком месте. Ты нашел меня, Глаз. А я не смогла тебя отыскать. И все эти карты - я до сих пор не понимаю, как вышло, что скроу тебе помогают.

- Ну, - Глаз вздохнул, - я вроде как кое-что им пообещал.

- Что ты имеешь ввиду?

Он молчал несколько секунд.

- Ты помнишь, до того, как мы пытались сбежать, ты говорила что-то о том, что изобрела зелье, чтобы дышать под водой?

- Верно. А почему ты спрашиваешь?

Он взволнованно потряс руками.

- В чем дело?

- Скроу, - сказал он, наконец. - Те, кто работают в клоаке, вроде меня - никто из них не рожден со способностью к водному дыханию. Они вдыхают специальные пары, позволяющие им это делать, но эти пары ядовиты. Они живут в муках и погибают совсем молодыми, - он опустил глаза. - Я подумал, что, если ты изобретешь для них что-то другое, что-то, что не будет причинять им боль?

Она задумалась, и затем, стараясь, чтобы как ответ прозвучал как можно мягче, произнесла:

- Я могу, - сказала она. - Для меня не составит труда украсть ингредиенты, нужные мне для одной-двух унций зелья. Но ведь тебе нужно больше - намного больше. Я, думаю, для начала - целый чан. Я не думаю, что смогу сделать это втайне, но, даже если бы мне удалось, это всё равно в итоге обнаружат и у меня будут большие проблемы.

- Может, тебе удастся получить разрешение, - сказал Глаз.

- Если я начну спрашивать о скроу, Тоэл задумается, откуда я знаю о них и с чего меня это заботит. Он считает слабостью любое проявление заботы, а он уже заставлял меня за проявлением слабости. А ещё он может знать о тебе, - она сделала паузу, и продолжила, ещё более тщательно подбирая слова. - В любом случае, наша цель - заставить Умбриэль приземлиться, помнишь? Пока он не разрушил наш мир?

- Скроу ничего не могут изменить, - сказал он. - Они просто работают и умирают.

- А ты... - вдруг Аннаиг засмеялась.

- Что?

- И после всего этого ты высмеиваешь меня и мои цели. А у тебя теперь тоже есть цель, верно?

- Они... Они сделали меня чем-то вроде своего лидера.

- Почему?

- Я сказал им, что мы могли бы улучшить наше положение, если мы...mmm... кое-что организуем... небольшое...

- Организуете? Ты возглавляешь бунт?

- Я не это имел ввиду, - он потупил взгляд. - Я имею ввиду, что им вроде как пришла в голову идея из-за меня, после моей стычки с надсмотрщиком, а после, - ну, пожалуй, я натолкнул их на мысль сделать несколько карт для меня.

- Карты?

- Так я отыскал тебя. И они должны были помочь нам сбежать.

- О. И теперь, когда мы здесь застряли...

- Они ждут, когда я выполню обещание.

- Я так и подумала, - сказала она. - А что насчет тебя?

Его зрачки расширились и сузились. Он кивнул.

- Выполню, - сказал он. - То, как им приходится жить - это неправильно.

- Посмотри на это с другой стороны, - сказала ему Аннаиг. - Большинство из тех, кто помогает тебе в организации вашего саботажа, будут куда более счастливы если ты

найдешь способ навсегда остановить Умбриэль. Эта связь с Инжениумом, о которой ты мне рассказывал, например. Мы должны больше узнать об этом.

- Верно, - сказал он, но его голос звучал несколько неуверенно.

- Глаз, - сказала она, взяв его пальцами за подбородок.

- Да?

- Я рада, что бы беспокоишься об этих людях. Я рада, что у тебя есть цель. И, если выпадет любая возможность спасти скроу, я буду только за. Но если выбирать между ними и нашим миром - если все эти люди и мы, двое, погибнем, чтобы остановить этот остров - это то, что мы должны будем сделать. И ты это знаешь, не так ли?

Он кивнул, но это стоило ему больших усилий.

- Смотри, - сказала Аннаиг. - На кухнях высокая конкуренция, так? Если скроу поднимут достаточно шума, лорды могут обратить на них внимание и начать искать замену ядовитым парам. У меня уже есть один пузырек готового зелья. Но нужно, чтобы Тоэл сам попросил меня об этом - ты понимаешь?

- Понимаю, - ответил Глаз.

- Мы начнем отсюда. Но тем временем тебе нужно собирать информацию, хорошо? Я имею ввиду, что если я найду способ спустить нас с этой горы, возможно мы сможем взять с собой и твоих приятелей. Чем больше у меня будет информации, тем больше это даст нам возможностей.

- Это имеет смысл, - вздохнул Глаз. - Я посмотрю, что можно сделать. Но ты - что насчет той девушки, которая пыталась тебя убить? Что насчет Тоэла? Если то, что ты рассказала, правда, и если Тоэл решит, что бы слаба... Я не хочу в один прекрасный день обнаружить тебя на дне клоаки.

- Лучше волнуйся о собственных планах, - мягко сказала она. - А о себе я позабочусь. Аннаиг обняла его и смотрела, как он уходит, но, уже позже, в её сердце прокралось тревожное чувство, когда она размышляла о том, до сих пор ли она и Светло-Глаз находятся по одну сторону баррикад.

Глава 3

Мягкое покашливание заставило Колина оторваться от разложенных на письменном столе документов. Управляющий Маралл стоял в двух шагах от стола, сложив руки за спину.

Колин оставил стул, на котором сидел и поднялся на ноги.

- Управляющий, - поприветствовал он.

- Инспектор, - Маралл кивнул, оставаясь стоять на месте.

- Могу я Вам помочь, сэр? - спросил Колин, нарушая неловкое молчание.

- Я просто решил поинтересоваться, вдруг у тебя есть какие-нибудь новости по делу.

Колин моргнул. "Если бы у меня были новости - я бы доложил", - подумал он, но тут же отбросил эту мысль, опасаясь, как бы она не отразилась на его лице.

- Почти ничего существенного, сэр, - сказал Колин. - Что-то не так?

- Ты получил последние данные разведки?

- Да, управляющий, - ответил он. - Я пока не могу найти какую-либо связь между Талмором и этим летающим городом.

- И всё-таки они должны быть хоть в чем-то замешаны.

- О, да, сэр, они замешаны во многом, - сказал Колин. - Талморские агенты продолжают совершать набеги на поселения беженцев в Сентинеле и Балфиере - там была серия убийств, которые, уже можно с уверенностью утверждать, дело их рук. Картина типичная, - все жертвы - полукровки, или же имели твердые убеждения против "чистоты" Альдмерского Доминиона. В Валенвуде ещё хуже: наше снабжение не всегда доходит до повстанцев. На прошлой неделе поймали и казнили шестьдесят человек, в их числе четверо наших людей. Оттуда происходит утечка информации, о которой мы не имеем понятия. Они знают о наших передвижениях слишком много.

- Но кроме этого...

- Ничего. Никакой связи между Талмором и востоком.

Лицо Маралла приобрело какое-то кислое выражение. Он взял другой стул из закутка, пододвинул его в сторону письменного стола Колина и сел.

- Ты видел донесения, касающиеся летающего города?

- Нет, сэр. С тех пор, как я начал вести дело Аттребуса...

- Извини за это. Тем более, что ты оказался прав во всем. Но из-за тебя министр Вел выглядел глупо, и поэтому тебя отстранили. По крайней мере, мне удалось вернуть тебя хоть на какое-то дело.

- Я ценю это, сэр.

- Я собираюсь рассказать тебе кое-что, Инспектор, потому что я надеюсь что у тебя возникнет пару мыслей по этому поводу. Но ты должен понимать, что не стоит распространяться об этих словах.

- Разумеется, сэр.

- Мне думается, ты знаешь истории, о которых все вокруг говорят, по этому самому поводу, - по поводу Умбриэля.

- Знаю. Насколько я понимаю, они основаны на письмах, написанных принцем Аттребусом и направленных его биографам.

- Да. Они захватили людское воображение. Летающий город из Обливиона, населенный неведомыми существами, уничтожающий всё на своем пути и следующая под ним армия мертвецов.

- Всё это я слышал.

- Что ж, мы получили добрую порцию информации от наших разведчиков, - сказал Маралл. В основном, всё верно. Но есть пара новых деталей. Умбриэль - по-видимому, так называется этот остров, - приземлился в Лилмоте и продолжает двигаться по прямой, судя по всему, к Ввандерфеллу. Его действительно сопровождает какая-то разновидность восставших мертвецов, и тот, кто погиб под ним, также восстанет и присоединиться к армии трупов. Но вот в чём дело - города Гидеон и Штормхолд были оба опустошены. Понимаешь, что это значит?

- Они не лежат на пути между Лилмотом и Ввандерфеллом, - немного подумав, ответил Колин.

- Правильно. По всей видимости этой армии ходячих трупов не обязательно находится рядом с её создателем.

- Но их численность продолжает расти, когда они находятся далеко от острова? Они размножаются?

- Пока неясно, - ответил Маралл. - Зато мы знаем, что основная их сила пересекла границу Сиродила и, похоже, держит путь прямо к Имперскому Городу.

- Ясно, - сказал Колин.

- Ты уверен, что нет никаких доказательств причастности к этому Талмора? Если они ударят с востока, а Доминион - с запада, или с верховья Нибена, мы окажемся в крайне тяжелом положении.
- Я не видел никаких доказательств того, что Талмор знает о том, что происходит и ещё меньше того, что они принимают в этом участие. Почему - могу я спросить, сэр? - почему вы чувствуете, что Талмор должен быть в этом замешан?
- Ну, если ни он, тогда кто? - он теребил свою хиленькую бородку. - Ты, разумеется, изучал историю периода кризиса Обливиона.
- Да, сэр.
- То, что в Тамриэль больше не может быть вторжения из Обливиона, в высоких кругах считается неоспоримой истиной.
- И всё же может.
- И да, и нет. Умбриэль, по всей видимости, не полностью находится в нашем мире.
- Я не понимаю.
- Он существует в своего рода складке пространства Обливиона.
- И всё же, очевидно, что он способен влиять на наш мир.
- Да. Но, по единодушному мнению Синода и Коллегии Шепчущих, - которые никогда ни с чем не согласны, - в том, что, несмотря на своё странное происхождение, Умбриэль не смог бы продвинуться так далеко в Тамриэль без приглашения.
- Приглашения?
- Призыва. Колдовства. А всякого рода колдовство сразу наводит на мысль о Талморе.

Колин кивнул.

- Больше, чем когда-либо, - сказал он. - Я думаю, мы просто не там искали. После того, как стало ясно, что нас собираются атаковать, у меня не осталось сомнений, что Доминион получит от этого некоторые преимущества, но на мой взгляд, они постараются укрепить своё влияние в Валенвуде, пока наше внимание сосредоточено в другом месте. У них есть план, они планируют десятилетиями - я не видел, чтобы они торопились вступать в сомнительные союзы с каким-нибудь принцем Обливиона или куда-нибудь в этом роде. Тогда кто?
- Почему не Ан-Зайлиль?
- Ящерицы? - из голоса Маралла сочилось презрение. - Они совершенно узколобые. Даже если они вдруг стали обладателями тайных знаний и способа их использовать, зачем им суетиться? Им хорошо в своих болотах.
- Они уже вторгались в Морровинд.

- Только затем, чтобы отомстить. Они прекратили свои набеги десятилетия назад, и с тех пор больше не проявляли никакого интереса в подобном направлении.

- Если не считать пресечения попыток Империи заявить права на их территории, - обратился Колин.

- Насколько мне известно, мы ещё ни разу не пытались вторгнуться в Чернотопье. Кому оно сдалось?

- Я просто подумал, что они могли это предвидеть, - сказал Колин. - В конце-концов, Умбриэль впервые появился именно там.

Маралл не выглядел убежденным, но всё же кивнул.

- Очень хорошо, - сказал он. - Я дам тебе доступ к необходимым отчетам, и отправлю любой запрос через свой офис, если тебе что-либо понадобится. В конце-концов, ты оказался прав насчет Аттребуса. Но - води себя тише, ладно? Мне не нужна очередная ситуация с Велом.

- Я понял, сэр.

Он проводил уходящего Маралла взглядом и снова зарылся в бумаги, но уже не смог сосредоточиться на написанном.

Вероятно, управляющий был прав в том, что Ан-Зайлиль сейчас не представляют угрозы. Они были абсолютными нативистами в своих взглядах, заинтересованные только в освобождении себя от остатков колониальных влияний и возвращении Чернотопья к тому, каким оно было прежде чем оно стало частью большой державы. И технически, конечно, Умбриэль появился где-то над морем, так что с тем же успехом можно было подозревать неуловимых слоад в том, что призывали летающий город в Тамриэль. В конце-концов, слоад должны быть могущественными колдунами.

Он долго думал, сопоставлял факты, но ему не пришло в голову ни одной новой идеи, так что он направил свои мысли на свое другое "дело". Впрочем, и в этом деле было не больше зацепок. Если не считать это, воистину, драматическое собеседование, он больше ничего не слышал от Эрис, и, так как у него самого не было никакой информации для нее, он не видел смысла рисковать и пытаться выйти с ней на контакт.

Несколько часов спустя он получил сведения из Чернотопья. Он начал просматривать самый последний материал; и Коллегия Шепчущих, и Синод собирали сведения удаленно, но был также и ряд докладов прямо с места событий. Какие-то были переданы через гонцов, но большая часть магическим способом. В основном это были сведения о размерах и траектории Умбриэля, и сведения о Штормхолде и Гидеоне, казалось, могут пролить свет. Чувствуя, что он что-то упустил, Колин вернулся к тому, что у них совсем мало информации касательно Ан-Зайлиль.

И он нашёл кое-что действительно интересное.

Дождь прошел, и Талос Плаза купался в отраженном от воды свете факелов и ламп. Воздух всё ещё пах чистотой, когда Колин шагал по лужам. Поблизости давала представления труппа каджитских акробатов. Они грациозно двигались, создавая невероятные пирамиды из своих кошачьих тел и жонглируя горящими факелами. Толпа аплодировала и бросала монеты им под ноги. Он прошел мимо оравы детей, с азартом бьющихся на деревянных мечах, вдруг почувствовав, как ком подступает к горлу. Раньше он был, как они. Он вспомнил, что раньше играл в подобные игры. Но он уже не мог вспомнить, каково это было.

Сделав несколько шагов направо, он остановился рядом с ближайшим темным переулком. Здесь, человек может умереть - или убить - и ни один из тех, кто сейчас на площади, со всем её светом и весельем об этом никогда не узнают.

Она заметила его слишком поздно. Если бы он надумал её прикончить, он смог бы, и она это знала. Впервые за всё то время, что он видел её, контроль Эрис над своими эмоциями дал сбой, и на её лице проскользнула тень страха. Он почти слышал её сердцебиение.

- Это оказалось легко, - сказал он. - Мне нужно было тебя увидеть. Я опасался передавать сообщение каким бы то ни было способом.

Она сделала шаг назад, сглотнула, и её непроницаемая маска вновь вернулась на место.

- Как ты узнал, что я буду здесь? - спросила она.

- Ты обычно ходишь этой дорогой, когда идёшь в паб навестить сестру, и ты всегда срезаешь путь через этот переулок, - он кивком указал на узкий проход.

- Ты следил за мной?

- Не в последнее время. Раньше. Я задавался вопросом, почему ты срезаешь здесь, а не идешь через улицу.

Она горько хмыкнула.

- Так я могу услышать, если кто-то пойдет за мной, - ответила Эрис. - Но никто не ходил ни разу, так что я позабыла про осторожность. Что ты хотел?

- Я смотрел доклады о Чернотопье, - сказал ей Колин. - И они цензурировались - службой министра Иерема.

- Не такая уж большая неожиданность, - сказала она.

- Как же так?

- Иерем тайно ездил в Чернотопье в прошлом году, якобы для переговоров с лидерами Ан-Зайлил. He would have had anything suggesting his presence there removed

- Это объясняет старые отчеты, - сказал Колин. - Но я говорю о недавних данных разведки, касающихся атак летающего города.

- Любопытно, - сказала Эрис. - И впрямь очень любопытно. Ты считаешь, что есть акая-то связь между этим и покушением на принца Аттребуса?

- Несомненно, - ответил Колин. - Аттребус отправился в поход, чтобы атаковать Умбриэль. Мы знаем об этом из нескольких источников, включая листовки, развешанные на каждом углу. Очевидно, Иерем хотел предотвратить это, стараясь сделать так, чтобы Империя как можно дольше не обращала внимание на летающий город.

- Умбриэль, как выяснилось, хотел того же, - сказала Эрис. - И сейчас он движется над горами Валус к Имперскому Городу.

- Что ж, таком случае, - сказал Колин, - стоит задаться вопросом, почему Иерем хочет, чтобы Умбриэль атаковал Имперский Город. Как он с ним связан? Есть идеи?

- Ни одной. А у тебя?

- Ну, я думаю, что это Иерем призвал Умбриэль, - сказал он. - Каким-то образом помог прийти ему в этот мир. А значит, можно предположить, что у него какая-то сделка с хозяином этого летающего города.

- Скорее всего, так и есть, - мрачно сказала Эрис. - Будет трудно достать не подправленные документы. Он хранит подобные вещи - если вообще хранит - в своих личных покоях.

- А кто-нибудь ездил вместе с ним в Чернотопье? -спросил Колин.

- Дай подумать... кажется, да, - вдруг её глаза округлились. - Мда... это нехорошо, - сказала она.

- В чем дело?

- Он брал с собой Делайю Хьёрк. Но только вот она умерла.

- Умерла? Убита?

- Чем-то заболела, если верить отчетам, и не было никаких поводов в этом сомневаться. Но теперь... Что ж, нам может как-то пригодиться эта информация?

- Рассказывай дальше.

- Он нанял торговое судно для маскировки. Я почти уверена, что название этого корабля не фигурирует ни в одном отчете.

- Но он должен был как-то заплатить за него.

- Он не хотел, чтобы Император знал об этой поездке, так что, вероятно, ему пришлось самому раскошелиться. Иерем довольно богат. - Она оглянулась. - Что-то мы заболтались, - сказала она. - Тебе ещё что-то нужно узнать?

- Делайя Хьёрк. Где она жила?

- Не знаю, но могу выяснить. Жди весточки от меня.

- Хорошо.

Уходя, она обернулась:

- Удачи в работе, - сказала она.

- Спасибо.

- В следующий раз встретимся в моем доме. Ты знаешь, где я живу?

- Да.

- О, ну конечно ты знаешь. Подойдешь к окну со стороны переулка и постучишь четыре раза. Если я буду дома, я выйду. И поглядывай по сторонам. Что-то странное твориться в министерстве. А мы задаем вопросы, ответы на которые могут стоить нам очень дорого.

- Я буду осторожен, - сказал он.

Эрис кивнула и направилась к выходу из переулка.

- Ты тоже будь осторожна, - сказал Колин ей вслед.

Она остановилась на мгновение, но не оглянулась, и затем продолжила путь.

Глава 4

Аннаиг уставилась на мерцающую зеленым яму и на тонкие здания, похожие на насекомых, которые вырастали из каменных стен конусообразной долины в сердце Умбриэля. Выше, сквозь сверкающие нити, которые напоминали гигантскую паутину или какую-то огромную морскую медузу, светило тамриэльское солнце. Солнце, под которым она родилась. Её сердце сжалось, когда она смотрела на залитый солнцем город, она вновь вспомнила, что является пленницей Умбриэля - солнце ласково касалось теплыми лучами её кожи, - но она больше не могла ходить под этим небом, там, в большом мире, что сейчас купается в солнечном свете.

- Ты давно не приходила сюда, - сказал Тоэл.

Аннаиг заставила себя посмотреть на него. Впервые она увидела Тоэла, когда он и его люди перебили всех на её прошлой кухне, - всех, кроме неё и Слир. Даже тогда, стоя в окружении трупов зверски убитых ими людей, Тоэл оставался безмятежно спокойным. В тот раз Аннаиг боялась его, и куда больше, чем сейчас. Она чувствовала, что в любой момент Тоэл может встать позади, взять её за плечи, и толкнуть с балкона навстречу смерти. И после этого никогда больше о ней не вспоминать.

Но показать свой страх для неё было бы также равносильно смерти. Слабые люди были бесполезны для Тоэла. Значит, придется прятать страх за чем-то другим.

- Вы не приглашали меня, - ответила Аннаиг.

Он пожал плечами и вдохнул облачко дыма из длинной стеклянной трубки, которую держал в руках.

- Я знаю, почему ты не приходила сюда.

- Вы разочарованы тем, что я попросила Вас пощадить Слир после того, как она отравила меня.

- Это перешло все границы. Я думал, ты такая же, как и я, - жаждешь побед и успеха. Однако ты сдерживаешь себя, и я ничего не могу с этим поделать.

- Тогда почему я здесь? - спросила она.

- Потому что ты меня заинтриговала. Ты изобретаешь удивительные вещи. Я надеюсь достучаться до тебя, в конце-концов.

По спине Аннаиг пробежала дрожь оттого, как зловеще это прозвучало.

- Я хочу радовать Вас, шеф, - сказала она.

- Неужели?

- Да. Но по-своему.

- Ты по-определению сможешь меня порадовать только если будешь делать то, чего хочу я.

Аннаиг покачала головой, надеясь, что её слова прозвучат убедительно.

- Это только начало, - сказала она.

- Начало? И какое же это начало?

- Это не столь важно, - ответила она. - Я считаю, что идеальный повар готовит такое блюдо, о котором хозяин даже не знал, что он хотел его, пока не попробовал.

- И чего же я такого хочу, о чем не знаю?

- А вот это я Вам и покажу, - сказала Аннаиг, пытаясь, чтобы это прозвучало шутливо. - Не нужно спешить.

- И всё же я в нетерпении, - сказал Тоэл, - а ещё чувствую себя немного униженным.

Она заставила себя улыбнуться.

- И всё же я сумела заинтриговать Вас.

- Не стану отрицать, - сказал он, снова затянувшись трубкой.

Тоэл несколько минут смотрел вдаль, а затем вновь переключил внимание на Аннаиг.

- Через несколько дней, - сказал он, - устраивают банкет. Банкет для двора самого лорда Умбриэля. Четыре кухни должны будут предоставить свои блюда на дегустацию лорду Релу, управляющего Умбриэля, - мы, и а также кухни Фамер, Ланил и Эшдри. Чье блюдо больше всего понравится управляющему, та кухня и будет готовить для лорда Умбриэля. Думаю, мне не нужно уточнять, что победить должна именно моя кухня.

- Это и так ясно, шеф.

- Я считаю, что наш основной конкурент - кухня Фамер. Она славится своим творческим подходом к приготовлению пищи. До Фамер было известно всего восемь вкусов: соленый, горький, острый, сладкий, кислый, эфирный, живой и мертвый. Но Фамер нашла девятый вкус, у которого нет названия, и все попытки повторить его или выяснить, как он создан ни к чему не привели. И так, Аннаиг, хотя ты и можешь продолжать дразнить меня своими играми, вот что я сейчас тебе скажу: ты должна найти для меня девятый вкус. Если ты не справишься, все твои другие попытки меня порадовать будут напрасными. Тебе это ясно?

- Я сделаю это, шеф, - сказала Аннаиг. - Я Вас не подведу.

- Действительно, - сказал Тоэл. Она не могла сказать, было это вопросом или же утверждением. - А теперь можешь идти.

- Всего пару вопросов, шеф.

- Говори.

- Есть ли у вас образец этого девятого вкуса, чтобы я могла попытаться его повторить?

- Нет.

- А Вы сами когда-нибудь пробовали его, шеф?

На секунду его лицо стало каменным.

- Нет, - сказал он, наконец.

- Вы можете хотя бы сказать мне, это вещество духовного или обычного происхождения?

- Я предполагаю, что духовного, так как его доводилось пробовать только высшим лордам.

- Благодарю Вас, шеф.

Её колени дрожали, когда она уходила, она чувствовала, будто всё происходящее - нереально, будто это происходит не с ней. Она вернулась на кухню. Аннаиг изо всех сил пыталась сохранять спокойствие и сосредоточиться - нужно было понять, с чего начинать поиски. Она была уверена, что сможет повторить любой вкус, что ей довелось попробовать, но попробовать ей не предлагали. Возможно, Тоэл специально поставил перед ней невыполнимую задачу, но, подумав, она поняла, что это бессмысленно. Разве нет? Скорее всего, это возможно. В конце-концов, Фамер ведь удалось. Только была ли это случайность, или она целенаправленно работала в этом направлении?

Она пошла в свою лабораторию, подальше от шума и кухонной суеты, и начала не торопясь просматривать различные порошки, жидкости, эссенции и ферменты. Она провозилась с духовной эссенцией, но спустя час отставила в сторону перегонный куб и спрятала лицо в ладонях. Её мозг отказывался выдавать хоть какие-то идеи. Вздохнув, она вернулась в свою комнату, но там думалось ничуть не лучше, так что в конце-концов она сдалась и откупорила бутылку вина.

Она допивала второй бокал, когда вошла Слир.

- Прошу прощения, - сказала девушка, - Вы обычно не бываете здесь рано с утра. Я...

- Всё в порядке, присоединяйся, - сказала Аннаиг. - Я просто думаю.

- Я совсем не хотела Вас беспокоить.

- Иногда разговоры помогают мне собраться с мыслями, - она потянулась за вторым бокалом и наполнила его вином. - Выпей, поговорим.

Слир неуверенно взяла бокал.

- Тебе что-нибудь известно о Фамер и её девятом вкусе? - спросила Аннаиг.

- Я слышала об этом, - осторожно сказала Слир.

- До того, как я попала на Умбриэль, я знала лишь четыре или пять основных вкусов. На кухне Куиджн мне объяснили, что успех хорошего блюда - в правильном сочетании всех

этих вкусов. Когда я попала к Тоэлу, ты, Слир, поведала мне о ещё трех вкусах, духовного происхождения.

- Живой, мёртвый, и эфирный, - подтвердила Слир.

- Так я и думала, - сказала Аннаиг. - Я пробовала пять вкусов на различных частях своего языка и когда-то давно читала о том, что язык специально приспособлен для того, чтобы различать эти вкусы. Но я не способна, как лорды, различать мертвый и живой вкус. Я могу отличить мертвую креветку от живой, когда та шевелиться, но на вкус они для меня одинаковые, потому что мой язык не предназначен для того, чтобы различать эти вкусы. Что касается эфирного, то это уже совсем другое дело, не так ли? Таковы "приправы", которые мы готовим из душ. Язык не может почувствовать их, хотя они и представлены в пище. Но на самом деле, кожа или глаза могут различать их - и, благодаря нашей кухне, мы получаем сотни, тысячи разных оттенков духовных вкусов. Например, как ужас, что ты пробовала на днях, или смех, который я могу сделать завтра. Как это соотноситься с электрическим живым сырьем, необработанной энергией душ?

Слир отхлебнула вина из бокала.

- Так ты считаешь, что девятый вкус - не духовного происхождения? Что он должен иметь материальную природу?

- Или какую-то совершенно другую, отличную от эфира так же, как вкус эфира отличается от соленого и острого.

- Но как его возможно обнаружить? Например, если представить, что существуют только острый, кислый и сладкий, то как возможно предположить, что существует ещё и солёный и узнать, как его создать?

В голове Аннаиг, кажется, зашевелились идеи.

- Особенно, если никто не был способен почувствовать этот вкус, - сказала она, наконец, поймав мысль.

- Как мы?

- Ты по-прежнему мой помощник, Слир.

- Я это знаю, - сказала она. - Я только подумала...

- Я дам тебе второй шанс, - сказала Аннаиг. - Последний шанс, понимаешь?

Слир энергично закивала, а затем прищурилась.

- Ты размышляла о чем-то, ведь так?

Аннаиг улыбнулась.

- Не о том, о чем ты подумала.

- Тогда о чем?

- Я думаю о том, не наступаю ли я два раза на те же грабли, - сказала она.

- Что ты имеешь ввиду?

- Тоэл считает, что я недостаточно амбициозна, что я не готова совершать поступки, которые, по его мнению, должна делать, чтобы выжить и достигнуть успеха.

- Да, - сказала Слир, - я слышала, он говорил что-то в этом роде.

- Я достану девятый вкус, - твердо сказала Аннаиг. - И покажу Тоэлу, насколько далеко я способна зайти.

- Но как?

- Я собираюсь украсть его у Фамер.

У Слир отвисла челюсть и округлились глаза.

- Это невозможно! - сказала она.

- Смотри, - сказала Аннаиг, выпив ещё немного вина. - Мы можем работать неделями, пытаюсь изобрести девятый вкус - и, вероятно, потерпим неудачу, - или же можем пойти по другому пути, и провести это время, изучая, как наилучшим образом использовать эту вещь на благо Умбриэлю, - она откинулась на спинку стула. - Я думаю, это именно то, что хотел от меня Тоэл. Скорее всего, это своеобразная проверка для меня.

- Это в его духе, - признала Слир. - Но вторгнуться на чужую кухню, обойти охрану и выжить, а уж тем более остаться незамеченной, - я даже представить не могу, как это возможно.

- Зато я могу, - сказала ей Аннаиг. - Я знаю, как отыскать потайные пути, и знаю способы скрытно пройти по ним - немного усилий, и я останусь незамеченной.

- Я не вполне уверена, что ты понимаешь, - осторожно начала Слир. - Даже если тебе удастся всё это повернуть, - если Фамер обнаружит хоть какие-то доказательства того, что её обокрали, она сможет потребовать, чтобы Тоэл выдал тебя ей, и Тоэл будет обязан удовлетворить её требование. Это - закон. Возможно, это как раз и есть то, чего добивается Тоэл.

- Стало быть, мне лучше не попадаться, - сказала Аннаиг. - И не наследить.

Лицо Слир приобрело решительное выражение.

- Скажи, что мне сделать, чтобы помочь тебе, - сказала она. - Я не хочу, чтобы ты потерпела неудачу.

- Лучше скажу, чего тебе делать не стоит, - сказала Аннаиг. - Это, действительно, твой последний шанс. Ты должна это понимать.

- Я понимаю, - ответила Слир.

- Хорошо. Я дам тебе знать, если мне что-то понадобится.

Глаз развернул записку от Аннаиг, которую передал ему скроу по имени Джернал. Она была написана на тайном языке, что они придумали в детстве - и который понимали только они двое - хотя Глаз ни разу не видел, чтобы кто-либо на Умбриэле вообще читали на каком-либо языке. Тем не менее, избегать пиявок гораздо лучше, чем их потом отдирать.

"Что ты задумала, мм?" - сказал он про себя. На миг ему показалось, что Аннаиг всё-таки согласилась помочь ему и что-то задумала в отношении проблемы ядовитых паров. Он выслушал её доводы, понял, почему она не стала этого делать, и всё же кое-что в её отказе его беспокоило. Может, то, что она не восприняла его всерьез, так как считала свою цель значимее, чем его. Но ведь оно так и есть, правда? Его народ, его родные, - жизни скольких оборвались по вине Умбриэля?

Но в этом нет вины скроу. Они даже не знали, что это случилось.

Но кое-кто был за это в ответе.

Глаз повернулся к Верту, который все это время терпеливо за ним наблюдал.

- Мне нужна как можно более подробная информация о кухнях Фамер, - сказал он. - Если требуется, подкупи работников кладовых.

- Ещё карты? - поинтересовался Верт.

- Нет. Больше, чем карты, - он сделал паузу. - И давайте-ка поглядим, что случится, если забьются некоторые из отстойников. Это должно привлечь внимание.

Верт просиял.

- Наконец-то! - воскликнул он. - Какие именно?

- На твой выбор, - сказал Глаз. - Мне нужно ещё раз кое на что взглянуть.

Летающий остров Умбриэль представлял собой грубый конус с пиком, смотрящим вниз. Клоака была резервуаром внутри этого конуса, в кратере, и большая часть населения города ютилась в выдолбленных в каменных стенах домах, как береговые ласточки. Лорды обитали на верхнем краю кратера, в своих изящных дворцах из металла и хрусталя. Но остальная поверхность острова, за пределами кратера, была покрыта громадными деревьями, корни которых проникали глубоко в скалу, где везикулы из клоаки кормили их и поили, и чьи ветви простирались далеко за пределы острова, обрамляя его кружевным воротником, завиваясь в причудливые узоры. Это был мир невиданных птиц и фантастических садов, растущих в тех частях острова, где лес начинал гнить; мир ореховых и фруктовых деревьев и воплей незнакомых зверей, напоминающих обезьян.

Глазу нравилось это место, порой даже больше, чем клоака. Какая-то часть его в этом месте ощущала чувство свободы, но другая часть, что покоилась где-то на задворках его сознания, вызвала к каким-то первородным ощущениям, которые, он думал, утратил многие месяцы тому назад. Однако вид, открывшийся перед ним, вызывал чувство тревоги. Он смотрел за горизонт, на леса и равнины, которые, размываясь, вдали выглядели очень живописно. Но, стоит лишь посмотреть вниз, как взору представала совсем другая картина. На каждом ровном клочке земли маршировали тысячи мертвецов, оживленных личинками Умбриэля.

Остров как раз пролетал над безлесьем. Умбриэль изменил направления, взяв курс на восток через широкие горы, и под ними была пустошь и снег, и слишком мало деревьев, чтобы скрыть мертвецов. Их армия, казалось, бесчисленна - и, что, пожалуй, хуже всего - организована, они шагали нестройными рядами в грубом подобии марша.

- В последнее время тебя не видно, - раздался негромкий, приятный девичий голос. Он посмотрел вверх, хотя уже знал, кто это был.

- Здравствуй, Фена, - сказал он.

Со своими пепельного цвета лицом и красными глазами, Фена могла бы сойти за молоденькую данмерку лет двадцати. Но она не была данмером так же, как не был человеком Верт, и, если учесть то, что жители Умбриэля рождаются уже с телом взрослого и если отталкиваться от их предыдущих бесед, то Фене сейчас, вероятно, было не более пяти-шести лет. На ней была её привычная зеленая блузка и шорты до колен; на этот раз, желтого цвета.

- Ты принёс мне лиловых креветок? - с надеждой спросила она.

- Нет, - сказал он, - но я уверен, тебе это тоже понравится.

Он протянул ей мешок, который она взяла, при этом радуясь совершенно по-детски. Но, когда она увидела содержимое, взгляд её стал озадаченным.

- Полипы кракена, - пояснил он.

Она вытащила один из мешка. По форме и по размеру полип напоминал длинный акулий зуб, гладкий и темно-зеленый, с влажным, похожим на трубку, придатком, торчащим из широкого конца.

Она надкусила оболочку, покрытую мелкими зубчатыми чешуйками.

- Жесткая, - сказала она.

- Дай, - сказал Глаз, - я покажу, как правильно.

Он взял полип, сдавил его так, что треснула оболочка, и затем извлек мягкую массу. Он протянул её Фене, - она попробовала кусочек, пожевала немного, и радостно захлопала в ладоши.

- Здорово, правда? - сказал Глаз. - Их много обитает в морях, омывающих Лилмот, город, в котором я вырос. Должно быть, несколько особей попали на Умбриэль и работники вывели их, потому что их коконы вдруг начали расти в Клоаке.

- Очень вкусно! - согласилась она. - Ты всегда находишь, чем меня удивить.
- Я рад быть полезным, - сказал Светло-Глаз.
- Жаль, я не часто могу отплатить тебе за услуги, - ответила Фена.
- Ну, сегодня можешь попробовать, - сказал он. - Расскажи мне о деревьях.
- О деревьях?
- Ага, - он постучал по ближайшей ветке.
- Ой, я даже не знаю, о чем именно рассказать...
- Ну, - сказал он, размышляя, как лучше подвести к нужной теме, - например, я заметил, что на некоторых из них растут орехи, фрукты, и даже что-то наподобие зерен... А что ещё?
- Что ещё? - она хлопнула в ладоши. - Соль и сахар, кислоты и вино, уксус и сера, железо и стекло. У деревьев талант создавать вещи - нужно было просто рассказать им, как это делать.
- И кто им рассказал?

Фена призадумалась.

- Ну, я, конечно, не уверена, - протянула она, - деревья создают вещи уже так долго, что, я думаю, уже забыли, с чего всё началось. Ну, по крайней мере, они об этом не говорят. Они в основном говорят нам только о том, чтобы мы сделали что-нибудь, или собрали плоды, или если что-то случилось и нужна помощь на кухнях.
- Погоди минуточку, - удивленно сказал Глаз. - Деревья с тобой говорят?
- Конечно. А разве ты их не слышишь?
- Почти, - сказал Глаз. - Почти. Но что это значит?

И, только увидев страх в округлившихся глазах Фены, он понял, что выпустил шипы и пустил из желез боевой запах. Он попытался успокоиться.

- Что с тобой, Глаз?!
- Я вспомнил, - сказал он. - О доме. И о гибели моих сородичей.
- Я не понимаю... - сказала она. - Но я вижу, как ты расстроился. Можешь мне объяснить?

Глаз глубоко задумался. Аннаиг сказала бы ему не доверять девочке; она вообще не доверяла никому на Умбриэле.
Но Фена всегда ему помогала.

- Я бы хотел объяснить, - сказал он, наконец. - Потому что, возможно, это будет иметь значение и для тебя. Это может заставить тебя о многом задуматься. Так что не бойся прервать мой рассказ, если решишь о чем-то спросить.

- Хорошо, - кивнула она.

- Я уже говорил раньше; я родом из места под названием Чернотопье. Мой народ именует себя саксхлил, а остальные зовут нас аргониане.

- Это я помню. А ещё ты говорил, что все аргониане внешне такие же, как ты.

- Такие же? Пожалуй, если сравнивать с людьми. У нас есть чешуя, и мы можем дышать под водой, и всё в этом роде. Умбриэль выбирает вашу форму, когда вы зарождаетесь. Моя же - досталась мне по наследству.

- Что ты имеешь ввиду?

- Сейчас это неважно. Мы можем поговорить об этом чуть позже. А важно вот что: в Чернотопье обитает ещё одна раса - хист. Они - живые деревья, и мы, аргониане, связаны с ними. Их очень много, но все они, связанные между собой корнями - единое целое, и мы тоже связаны с этими корнями. Некоторые считают, что мы были созданы хист для того, чтобы те могли увидеть мир там, где они не смогли. Они могут связываться с нами или прогнать нас. Когда нам дают имена, мы выпиваем немного сока хист, и мы меняемся - иногда неявно, но порой - очень сильно.

- Что ты имеешь ввиду, говоря "меняемся"?

- Несколько десятилетий назад в наш мир вторглись из Обливиона. Хист знали, что это случится, и связались с аргонианами, позвав их назад, в Чернотопье. Многие из нас изменились, были готовы в любую секунду броситься в бой и защищать свой дом. Хист сделали нас сильнее, быстрее, - чтобы мы способны были пережить эти ужасы.

- Кажется, я начала понимать, - сказала Фена. - Ты говорил, что хист очень похожи на деревья, что растут по краям острова.

- Похожи. Но не одинаковы. Они не говорят со мной, как говорили хист. Но они говорят с тобой.

- Не словами, - ответила она. - Они чувствуют, мечтают, говорят, когда им что-то нужно. Но я не могу представить, чтобы они что-то планировали, вроде того, что ты описал.

- Но их сок способен менять вещи, почти так же, как хист.

- О, да. Но, как я уже сказала, обычно их нужно просить, - она положила руку ему на плечо. - Я до сих пор не понимаю, почему это так тебя огорчает.

- Предполагается, что все хист едины, - сказал Глаз, - но порой некоторые деревья становятся изгоями, отделяются от остальных. Давным-давно это и произошло в моем городе, и, я считаю, что это снова случилось, незадолго до того, как ваш мир вторгся в мой. Дерево-изгой как-то помогло Умбриэлю, понимаешь? Оно помогло погубить много, много людей для того, чтобы их тела и души пошли на нужды Умбриэля. И теперь я

думаю, что это из-за него, в первую очередь, Умбриэль появился здесь. Ты случайно не помнишь...

Взгляд Фены забегал, она что-то вспоминала.

- Мы были в пустоте, - сказала она. - Ничего вокруг. И вдруг деревья запели странную песню, которую я никогда раньше не слышала. Они пели и пели. Это было... прекрасно. Никто не помнил, чтобы раньше случалось подобное. А потом мы оказались здесь. И они продолжают петь, но очень тихо. Послушай.

Фена взяла его ладонь и прижала её к коре. Было странным сочетание шероховатости дерева и мягкого тепла её руки, и следующие несколько мгновений это было всё, что Глаз ощущал. Но затем она стала тихонько напевать, и в его голове словно что-то перещелкнуло - и легкий хруст под пальцами был последним что он услышал в Круговерти перед тем, как внезапно все его чувства стали натянутыми, как струна, и он услышал, как неровный, робкий мотив, что мурлыкала Фена, сливается с сотней тысяч других голосов, точно каждое семечко, каждый лист добавлял в мелодию свою ноту.

Но Круговерть звучала иначе, - проще, что ли. И всё равно мелодия манила его, стирала слова и мысли, и он долго, очень долго стоял, опустившись на колени, на его ладони лежала ладонь Фены, - он чувствовал себя новорожденным и - полностью опустошенным.

Глава 5

"Большинство ловушек примитивны", - подумал Колин. - "И поэтому они работают".

И он вошёл в покои Делайи Хьерк. Они были вновь заняты после её смерти, так что ему пришлось ждать, пока нынешний владделец, - торговец коврами, каджит по имени Лвеф-Дим, - покинет дом. Это было старое здание, по комнатам которого скользили тени некогда бывших, а, возможно, и будущих обитателей, так что открыть спектральное зрение ему не составило труда. И где-то здесь была она, невесомый призрак, в вечном ожидании... Призраки обычно уходили - дальше, - кроме тех, кого что-то удерживает на земле, - и Колин надеялся, что в этом случае так оно и есть, и не ошибся.

Но то, что внезапно появилось перед ним, не было Делайей. Это был даже не призрак. Через своё искаженное зрение он видел расплывчатый силуэт химеры, которая вдруг проявилась в Мундусе и набросилась на него. Он не успел увернуться от удара, но это уже не имело значения; нечто злое прошло сквозь его руку, сквозь каждый слой его мышц, через каждый кровеносный сосуд, каждую косточку и хрящ, оставляя после себя лишь невероятную боль. Сначала он думал, что лишился руки, но затем увидел, что рука была всё ещё на месте - даже не рука, а масса жутко трясущихся мышц.

Он откатился в сторону, рефлексивно выхватил кинжал из-за пояса, - его тренированное тело действовало само. Существо снова набросилось на него, и Колин вонзил в него полупрозрачный клинок. Химера затряслась и издала звук, для него едва различимый, однако все стекла в комнате вылетели с оглушительный звоном.

"Не понравился клинок? Отлично..." . Колин прихватил его на случай, если пришлось бы сражаться с призраком, и, надо сказать, хорошо, что прихватил, - по крайней мере, прозрачный клинок сумел нанести существу хоть какие-то повреждения.

Но Колин не был уверен в том, что сумел хоть сколь-то серьезно ранить химеру, поэтому он отпрыгнул назад, пытаясь сосредоточиться на химере, стараясь не думать о злом, потустороннем касании и нечеловеческой боли, секунды назад пронзавшей его руку, и понять, с чем он столкнулся. И, когда существо снова явило себя, в этот раз Колин сумел разглядеть нечто вроде его сердцевины, ядра - и нанес удар прямо туда. Он ощутил сопротивление, и химера вновь издала вопль, и тело Колина сотрясла дрожь - но на этот раз не от его собственной боли, - это трясло, ломало химеру, - так что он пронзил сердцевину клинком ещё раз, и ещё... В голове за клубился желтоватый туман, его мозг точно начали прорезать тонким бритвенным лезвием, всё смазлось и на него посыпались разноцветные пятна. Он перестал чувствовать свои конечности - и обнаружил себя кучей валяющегося на полу.

Чувствуя странную отрешенность, Колин закрыл глаза и нащупал где-то глубоко внутри себя, там, где дотлевал слабенький огонек его силы, крошечную частичку себя, пришедшую из-за грани мира, даже из-за грани Обливиона, - из Этериуса, царства чистого света и магии.

Сперва боль, а после - холод, - охватили его, и - огонек воссиял и превратился в Солнце. Сила и свет вырвались из его приоткрытого рта и глаз, и сияние прошло сквозь существо, как сильный ветер сквозь дым, развевая его. На этот раз химера не успела издать ни звука, исчезнув раз и навсегда.

Колин лежал на полу, смотря на то, как поднимается и опускается его грудь, не в силах вспомнить, что он собирался сделать. Он даже не осознавал, где сейчас находился. И он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Наверное, он должен был запаниковать - но он слишком устал.

В дальнем углу комнаты была незнакомка. Она стояла неподвижно и молча смотрела на Колина.

Колин вспомнил, как в детстве, будучи в Анвильском порту, он любил смотреть, как смолили корабли и отправляли их в море, мечтая о дальних странах. Он вспомнил свою мать и её сгорбленную, уже навсегда, спину из-за постоянной стирки белья.

Он вспомнил, как убил человека. Он не знал его имени. Они стояли на мосту, и человек смотрел вниз, на отраженные в воде огоньки. Человек смотрел на его нож и пытался остановить острое лезвие собственными руками. Он умолял, но Колин наносил ножом удар за ударом, пока жизнь полностью не выплеснулась из его тела. Колин вспомнил, что это было его последнее испытание прежде чем он стал инспектором.

Едва вернулась память, он почувствовал свои руки и ноги. Их точно пронзили тысячи маленьких игл.

К тому времени, как он заставил себя подняться, он уже вспомнил, где находился. Он посмотрел на до сих пор молчавшую женщину. Она была редгардкой, с жесткими, курчавыми волосами и волевым, мужественным лицом. На вид ей было около пятидесяти.

- Вы - Делайя Хьерк? - спросил он.

В её глазах промелькнула тень, когда она услышала своё имя, но в остальном она никак не отреагировала.

Некоторые призраки помнили всё, другие же - ничего. А некоторые даже не поминали, что умерли.

- Ты путешествовала с главным министром Иеремом в Чернотопье. Ты это помнишь?

Ее голова слегка повернулась. Она опустила глаза, и её рука чуть дернулась вверх.

Колин проследил за жестом и понял, что призрак указывает на одну из настенных панелей. Он подошел к панели и увидел, что та не закреплена. В открывшийся нише он обнаружил мягкую кожаную сумку, а в сумке - книгу.

- Можно, я взгляну? - спросил он.

Её рука опустилась, но редгардка не ответила, так что Колин открыл книгу. Текст был на тамриэльском, хотя некоторые сноски были на языке Йоку, которые он пропустил, потому что не изучал. Это был дневник, и, пролистывая его, ближе к концу он нашел несколько страниц с заметками о Чернотопье. Он успел прочитать всего страницу, когда услышал шаги в холле и понял, что провалялся на полу большую часть дня.

Взяв книгу с собой, Колин вылез на улицу через пустое окно. Делайя провожала его взглядом и, кажется, не была против того, что он забрал дневник. Солнце уже садилось,

становилось темно - но Колин отчаянно нуждался в свете, чтобы скорее забыть существо, с которым ему пришлось столкнуться в апартаментах Делайи.

Он прошел через рынок, купив яблоч, пирогов со свининой и лимонной воды у уличных торговцев, и присмотрел хорошее место на одной из крыш с видом на аллею позади дома Эрис. Там он сидел, ел и читал дневник, в окружении голубей, надеющихся урвать причитающиеся им крошки.

Хьерк в деталях описывала подготовку к поездке, и из записей стало ясно, что она считала, что, по крайней мере, император знал о предстоящем путешествии. Иерем сказал ей, что секретность и дезинформация в этом деле необходимы, чтобы никто из врагов Императора не узнал об их планах. Хьерк не присутствовала на конфиденциальной встрече с Ан-Зайлиль, но решила, что какое-то соглашение между ними было достигнуто. Она заставила себя поверить, что Иерем предлагал ящерам союз против Талмора. Однако сам Иерем очень расплывчато рассказывал о ходе переговоров. Более того, по одному из пунктов соглашения Иерем участвовал в некоем ритуале у Городского Дерева.

Она писала:

Дерево просто исполинских размеров. Дерево выше этого я видела лишь один раз, в Валенвуде, но Хист намного мощнее, ветвистей, чем то. И я ощущала свое присутствие - внутри этого дерева. Я никогда особо не верила словам аргониан о том, что хист обладают разумом, но, стоя перед ним, больше в этом не сомневалась. Мне даже показалось, что дерево злорадно мне ухмыльнулось, но, скорее всего, это было лишь мое слишком бурное воображение, ведь во всей этой ситуации не было ничего, кроме ощущения дружеского единства. А вот сами Ан-Зайлиль держались грубо и высокомерно, да и весь городишко - довольно гнилое и вонючее местечко. Едва я вошла в Лилмот, как мне захотелось уйти, и, желательно, поскорее.

С другой стороны, министр казался взволнованным, почти что ликующим. Ан-Зайлиль пели для дерева, и эта какофония длилась так долго, что даже я стала, как лодка, раскачиваться на волнах этих звуков.

Сложилось впечатление, что хист звал что-то или кого-то, потому как много раз повторил "Умбриэль". Это было похоже на имя, хотя хист говорил на незнакомом мне языке, так что я могу ошибаться, - ведь никто не пришел, хотя все присутствующие, казалось, в любом случае довольны.

А завтра мы, наконец, плывем домой, и я чувствовала, что просто не могу быть счастливей.

Он дочитал страницу, но следующий абзац заинтересовал его больше: Хьерк писала, что у неё были сомнения насчет осведомленности Императора об этой поездке, о чем она и спросила Иерема.

От последних строчек веяло холодком:

Сегодня за ланчем Иерем повторил свои доводы, но у меня до сих пор остались сомнения. Завтра у меня аудиенция с Императором. Я сама спрошу его.

Надеюсь, что к завтрашнему дню буду чувствовать себя лучше. В желудке беспокойно, суставы болят. Возможно, это несвежий суп.

Колин начал просматривать более ранние записи, но уже совсем стемнело. Он устроился напротив дымохода, смотря в темный квадрат окна дома Эрис. Было новолуние, зато на небе - ни облачка, и звезды были отлично видны. Он отдышал, позволяя себе раствориться в легкой ночной прохладе; где-то закричал стриж, совсем рядом раздался писк и шорох крыльев летучих мышей; зловеще ухала одинокая сова. Несколько раз квакнула лягушка и затихла; отовсюду, как перекличка, доносился стрекот кузнечиков. Где-то в районе рынка залаяла собака, и вот уже все по всем кварталам города звучал ответный гавкающий хор. У таверны неподалеку парочка спорила, какова истинная стоимость моллюсков, что они заказывали на ужин, а легкий ветерок разносил по улицам и переулкам негромкую мелодию лютни.

Скорее всего, Эрис сейчас у сестры. У него было ещё несколько часов, чтобы подумать, стоит показывать Эрис дневник, или нет. На самом ли деле она - агент Императора?

Он был назначен для проведения поисков принца Атребуса. Принц ушел, втайне, против воли своего отца, - для того, чтобы отыскать и сразить летающий город. Но далеко не ушел - Колин нашел весь его личный отряд мертвыми - и тогда, на первый взгляд, казалось, что и самого, мертвого, принца.

Как оказалось, Атребус был тончайшим произведением искусства, творением своего отца и его министров. Все сражения, в которых он победил, были подстроены, как и все поединки, в который он выиграл; все легенды и песни, что барды сложили о нем, были специально заказаны и оплачены королевским двором. Сам принц об этом не знал. Всякий раз, когда принц решал отправиться в очередное приключение, его правая рука, Гулан, сообщал это в палату главного министра, где обсуждалось, как это лучше обставить.

Но не на этот раз - или, по крайней мере, не так, как это происходило обычно. На этот раз принц попал в засаду. Это и заставило Колина шпионить за Эрис; он знал, что Гулан, по своему обыкновению, ушёл к ней. Тогда он обнаружил, что именно она организовала атаку на принца, и последовал за ней до самого дома, - где, как он слышал, она убила криминального авторитета, помогавшего ей, - убила вместе со всей его многочисленной, вооруженной до зубов охраной и домочадцами. И он до сих пор не знал наверняка - что, если она призвала или даже сама обратилась в химеру, превратив дом в скотобойню?

И, тем не менее, Эрис призналась ему. Она даже предоставила объяснения.

Большинство ловушек - простые.

Вздохнув, он провел рукой по волосам и ощутил на лице дуновение ветра.

Он услышал негромкий шум, нехарактерный для этого места, и открыл глаза.

В пятнадцати ярдах он увидел укрытую тенью фигуру человека, одетого в черный стеганный жилет, подобный тем, которые в последнее время полюбились многим в Темном Братстве. Он видел профиль парня, стоящего на коленях на крыше дома напротив переулка. Пока Колин наблюдал, человек соскользнул вниз, как на паутине паук, по веревке, слишком тонкой и темной, чтобы с такого расстояния её разглядеть. Он все так

же, по-паучьи, сел на подоконник Эрис. Через мгновение Колин увидел отражение звезд в её окне, - оно распахнулось, и, спустя несколько ударов сердца, снова захлопнулось.

Поднялся ветер. Стало прохладно, и Колин понял, что вспотел.

Кому-то нужно, чтобы Эрис была мертва.

Он колебался достаточно долго, чтобы почувствовать стыд, пытаясь понять, как ему поступить.

Если она умрет, ему не придется пребывать, как сейчас, в подвешенном положении.

Но тогда он никогда не узнает, что происходит, и, возможно, ему придется наблюдать крах Империи, осознавая, что он мог бы сделать хоть что-то, но не сделал.

Но было ещё что-то большее. Что-то там было в ней, хрупкость, уязвимость... Он узнал её, он понял её в тот момент. Она была такой, каким и он, скорее всего, станет через несколько лет службы. Он видел, пусть мельком, в её душе черную дыру, бесконечную усталость. Он до сих пор не мог понять, верит ли ей, и на одной ли они стороне.

Но он не хотел её гибели.

Он посмотрел в небо. Сейчас самое время для неё возвращаться домой. И ассасин тоже знает об этом, так ведь?

У Колина с собой не было ни веревки, ни шнура. Он мог бы, конечно, попробовать прыгнуть в окно, но шансов было мало, да и вряд ли это получилось бы без лишнего шума. Но он ещё может перепрыгнуть на соседнюю крышу и добраться до входной двери, прежде, чем Эрис войдет в дом, и тем самым предотвратить нападение.

Но тут он увидел свет в окне - не в самой комнате, а рассеянный свет, идущей соседней.

Выругавшись, он отступил на несколько шагов, и, оценив расстояние, прыгнул.

Пальцами ног он задел козырек окна и, сжавшись, качнулся вперед, закрыв локтями глаза. Стекла в переплете разлетелись, но деревянная рама выдержала, и он откатнулся, зависнув спиной над улицей в тридцати футах под ним. Он ударом продел ногу через разбитую секцию переплета и смог зацепиться ей за дерево, но это снова отбросило его назад и впечатало плечами в кирпич. Тяжело дыша и ощущая, как напряглись мышцы его живота, он подтянулся к окну.

Разумеется, рама была открыта.

Он нырнул вниз и скользнул в тень, пройдя по темным углам комнаты, до которой добирался свет факелов из дальнего зала, и выхватил нож. Он рассеянно отметил, что его руки были скользкими от крови.

Едва он поднялся наверх, нож упал на пол с глухим стуком, и ассасин возник у Колина за спиной; в левой руке ассасина был зажат темный клинок, а справа под жилетом просматривался силуэт второго. Колин часто-часто задышал, и на мгновение всё вокруг замедлилось, и комната озарилась золотым светом. Его руки взлетели, но, казалось, без его участия. Следующее, что он осознал, был сильнейший удар о стену, и боль, едва не заставившая его закричать, но он стиснул зубы, чтобы себе этого не позволить.

Ассасин сидел, прислонившись к книжному шкафу на противоположной стороне комнаты. Колин издал какой-то рычащий звук и сделал шаг, два навстречу ему.

Колин видел, как в месте, куда ассасин ударил его кинжалом, расплывается кровавое пятно.

Со сдавленным стоном он поднялся. Ноги подкашивались. Тихо, коротко помолился Дибелле, хотя та вряд ли сейчас его слышала. Он не был уверен, что сумеет долго простоять на ногах. Он поравнялся с ассасином и вытащил клинок из его обмякшей ладони, воткнул лезвие между его первым и вторым шейными позвонками и провернул рукоять. И после рассеянно посмотрел на себя.

Его руки были все сплошь в порезах от битого стекла, но не слишком глубокими, чтобы о них беспокоиться. Другой клинок ассасина проткнул его грудную мышцу и вышел через плечо. Он вновь осознал боль от удара, и понял, что лезвие, должно быть, напоролось на кость и ушло вверх вместо того, чтобы добраться до сердца. В любом случае, он, вероятно, выживет, если, конечно, кинжал не был отравлен.

Боковым зрением он заметил другого человека у темного оконного проема, и попытался обернуться, но слишком медленно.

Раздался звук, похожий на раскат грома, и человек отпрянул назад, и в следующее мгновение рядом появилось ужасное *нечто*. Колин узнал существо, глазницы которого пылали зеленым огнем, покрытом чешуей, с когтями, больше похожими на острые загнутые ножи. Человеку почти удалось издать последний крик прежде чем его внутренности разбросало по всей комнате. Затем существо, утробно рыча, повернулось к Колину.

- Стоять! - раздался возглас, и даэдра замер, хрипло дыша.

За спиной даэдра стояла Эрис, и столь широко распахнутых глаз Колину видеть ещё не приходилось. От этого она выглядела ещё младше, совсем девчонкой. Рукав её белой рубашки был пропитан кровью, и пятно, краснеющее от глаза и до виска, обещало скорое появление синяка.

- Следи и охраняй, - приказала она даэдра, и тот повернулся и с явной неохотой поплелся обратно к окну.

- Как ты... - начала Эрис. Она дышала так поверхностно и тяжело, что он начал за неё волноваться.

- Иди сюда, - сказал он. - Тебя ещё куда-нибудь ранили?

- Я его не заметила, - сказала она, глядя на труп. - И не слышала. У меня совсем не было времени, чтобы сделать хоть что-то...

- Давай посмотрю, - сказал он. - Ты повредила руку, - заметил он, рассматривая рану на её запястье. К счастью, порез был неглубокий.

- Я услышала грохот, будто стекло разбилось. Я и не заметила, как поранилась...

- Это я шуму навел, - сказал Колин, продолжая осматривать Эрис на предмет серьезных ранений.

- Ничего не понимаю.

- Я ждал на крыше. Я видел, как он вошёл в дом.

- Он пришёл, чтобы убить меня.

Она всё ещё слишком часто дышала, и её кожа была ненормально горячей.

- Очевидно, - сказал он.

- И убил бы, если бы не ты.

- Ну, а второй парень убил бы меня.

- Во имя Девяти, ты же весь истекаешь кровью! - воскликнула Эрис.

- Ничего серьезного, - сказал он. - Но, если говорить о крови, - твоя рука...

Она посмотрела на окровавленный рукав, затем снова на Колина. До него только что дошло, что одна его рука лежит у нее на плече, а другая - на её животе. Он чувствовал, как она дрожит, и натолкнулся на что-то в её взгляде...

"Глупо", - подумал он. "Это просто глупо".

Кожа Эрис, казалось, плавилась под его пальцами. Она вдохнула, когда их губы встретились, точно хотела взять из его лёгких недостающего ей кислорода. Он почувствовал запах горячей гвоздики и сквозь него будто прошел заряд электричества, - ничего подобного он ещё никогда не ощущал, и это ощущение разливалось, заполняя его, опустошенного после двух жестоких сражений. Она уткнулась лицом в его шею, а он в её, и они опустили на ковер, переплетая тела и борясь с пуговицами и завязками.

Липкая кровь и соленый пот жгли его раны, но Колина до этого уже не было никакого дела.

Позже, кажется, многим позже Колин лежал на спине, пока Эрис обрабатывала его раны, сначала промывая теплой водой, а затем белой мазью с легким горчичным запахом, которая приятно согревала кожу. Мазь не просто ослабила боль; его раны стягивались, точно их зашивали невидимой ниткой.

Они переместились в спальню Эрис, где она расстелила на кровать толстое одеяло и уложила его отдыхать.

- Тебе лучше? - спросила она.

- Намного, - сказал он. - Хотя, должен признаться, я долгое время считал, что уже не смогу почувствовать нечто подобное тому, что было недавно...

Эрис опустила глаза. Она выглядела смущенной.

- Вспышка, - предположил он. - Когда осознаешь, что почти мертв, - начинаешь это понимать.

Она покачала головой.

- Когда я призываю даэдра, я должна прикоснуться к нему частью своего сознания, частью души. Тот, кто их призывает, должен быть достаточно силен, чтобы сдерживать их влияние на себя. Природа даэдра - пламя и страсть. Иногда я чувствую нечто подобное тому, что ощущают они, - Эрис отвернулась. - Я тоже, - сказала она, посмотрев на шрам на его груди, - долгое время думала, что не способна на подобные чувства. Я никому не могла довериться, чтобы сделать это. Не чувствовала себя в безопасности.

- И ты доверяешь мне?

Она улыбнулась.

- Нет. Но... - сказала она, все еще улыбаясь. - Реакция. А ещё, в тебе есть что-то... - она запрокинула голову. - Я понимаю, у тебя тоже нет причин мне доверять. Скорее, я сделала всё для обратного. Но я просто пытаюсь пройти через это. Выживать. Но порой мне кажется, что цена слишком высокая...

- Цена?

- Это не жизнь, Колин. Мне тридцать один. Я стала шпионом министра Иерема, едва мне исполнилось двадцать один. Я была вместе с одним мужчиной в это время, и это была катастрофа. Я работаю, я боюсь, и иногда делаю ужасные вещи. Я выпиваю с сестрой в течении часа-двух почти каждый вечер перед тем, как идти домой. Я не могу рассказать ей о том, чем занимаюсь. Она ничего не знает, и спокойно влезает в мелкие авантюры, путешествует по стране. А мне приходилось быть осторожной. Защищать себя. Но сейчас я умру в любом случае.

- Они провалились, - с нажимом произнес он.

- Но их прислал кто-то, вероятно один из моих недоброжелателей или даже сам Иерем. И они повторяют попытку. Вышлют ещё убийц. Где-то я допустила ошибку - скорее всего, разобравшись с теми двумя, на острове. Им всё известно, - она притянула его руку к своим губам и поцеловала. - Ты очень молод, - сказала она. - Ты ещё можешь выбраться из всего этого. Я не могу тебя заставить, поэтому прошу.

- А ты? - спросил он.

- Нет. Я уже не смогу. Но я не потяну тебя за собой в пропасть.

Колин вздохнул.

- Там я уже побывал, - сказал он. - Я хочу - я должен поступить правильно. Ты ведь меня понимаешь?

- Ты сегодня уже поступил правильно, - сказала она. - Ты спас мне жизнь. Тебе этого недостаточно?

- Нет, если ты собираешься погибнуть завтра.

- Всех нас ждет смерть. Ты дал мне прожить на день дольше, чем я могла бы. И этот день был далеко не из худших.

- Этого недостаточно, - выпалил Колин.

- Почему же?

- Просто нет, и всё!

- Не злись, - сказала Эрис.

- Я и не злюсь!

- А звучит именно так.

- Хорошо, - выдохнул он, закрыв глаза. - Я не злюсь, правда.

Но он был зол, и ещё как.

Эрис ему не ответила, но он почувствовал мягкое прикосновение её губ к уголку его рта.

- Это не обязательно должно быть грубо, - сказала она. - Я могу быть нежной.

Он вдруг подумал о тех двух мужчинах, которых она убила на острове, и о людях, погибших в том доме, когда он последовал за ней.

Он подумал об ассасине, которого недавно убил, и понял, что это не вызывает никаких эмоций в его душе.

Он ответил на поцелуй. С улицы доносилось пение ночных птиц, принося в этот дом, - пусть обманчивое, - ощущение спокойствия и мирной жизни.

Глава 6

- Стой! Устроим привал, - гаркнул капитан Фелкас. - Бринус, Мазгар - возьмите троих и проверьте деревню.

- Принято, капитан, - сказала Мазгар, стараясь, чтобы её голос звучал не слишком устало. Затем, осознав, что ответила не в очереди, она посмотрела на Бринуса.

- Не этому я обучался, - сказал Бринус. - Мы оба это понимаем. Ты выбирай.

Она кивнула.

- Мирзан, Тош, На-Наша, подойдите.

Остальные выглядели так же устало, как и она сама, к тому же, она начала всерьез волноваться за Бринуса. Он - ученый, а не воин или боевой маг, хотя его мастерство не раз спасало её последние несколько недель. Но становилось ясно, что его нетренированное тело не предназначено для подобных походов.

Им удалось прорваться через южную границу оцепления у горного хребта, но ни одна лошадь не выжила, и они потеряли почти половину отряда. С тех пор они вырвались вперед, опережая нечисть, но для этого им приходилось идти так быстро, как они только могли. Все припасы закончились, но они не могли делать остановки, чтобы охотиться или ловить рыбу, потому что отряд мертвецов, атаковавший их, была не одна; она была лишь частью гигантской лавины, движущейся через горы к графству Чейдинхол.

Семена и спотыкаясь, они спускались с холма к деревне, если, конечно, этим словом можно было назвать десяток домишек, стоящих вокруг пустой грязной центральной площади с колодцем. Мазгар с тоской бросила взгляд на колодец, но, прежде чем вдоволь напиться воды, необходимо было сделать работу.

Когда они добрались до деревни, увидели семь человек, стоящих на площади, но из домов уже начали выходить остальные. Они не выглядели враждебно; никто даже, кажется, не был вооружен.

- Мы Имперский отряд, - громко сказала Мазгар. - Кто здесь главный?

Старая редгардка с белыми курчавыми волосами сделала шаг вперед.

- Полагаю, что я, - сказала она. - Я Сария, староста Смотрящей Горы.

- Сария, - сказала Мазгар, - успокойте своих людей. Мы не причиним вам вреда. Они быстро прошли по домам, не обращая внимание на протесты Сарии и некоторых других на площади, что лишь подтвердило догадки Мазгар о том, что эти люди - фермеры и охотники. Мазгар свистнула - один раз коротко, затем длинно, и снова два раза коротко.

Через минуту спустился отряд с капитаном Фелкасом во главе.

- Капитан, это - Сария, - представила её Мазгар, - староста.

- Капитан, что происходит? - потребовала объяснений Сария. - С каких это пор Имперским солдатам позволено врываться в наши дома?

- По приказу Его Величества, или во время войны, леди, - ответил Фелкас. - Вы и ваши люди через полдня можете погибнуть, каждый из вас.

- О чем вы говорите? - удивилась Сария.

- Смотрящая Гора, так? - сказал Фелкас, сплюнув под ноги. - Что-то у вашей горы плохо со зрением, - он повысил голос. - Послушайте! У ваших людей пятнадцать минут на то, чтобы собрать самое необходимое. Только воду, еду, и оружие! Всех лошадей, что у вас есть, приведите сюда, и принесите часть провизии моим солдатам.

- По какому праву вы выгоняете нас из наших домов? - ошетинилась Сария.

- Я собираюсь не допустить гибели людей, - рявкнул Фелкас. - Я хочу, чтобы вы все укрылись за воротами Чейдинхола подальше от всего этого. Но если кто-нибудь - любой из вас - будет задерживать меня бессмысленной болтовней, - это будет означать лишь, что кто-то из вас, а то и все, решили подохнуть. Даже сейчас может быть слишком поздно. А теперь - делайте, что я сказал. Живо!

Глаза старосты стали похожи на два чайных блюдца, но пререкаться она перестала. Никому ещё не удавалось переспорить Фелкаса, когда он говорит таким тоном. Пожалуй, он говорил, как сам Император.

Они выстроились у колодца, утоляя жажду и наполняя водой бурдюки, остальные же помогали складывать вьюки с провизией на шестерых лошадей. Они запрягли четверых в две повозки, чтобы те везли стариков и детей. Фелкас и Кар, боевой маг, взяли оставшихся двух.

Ворча, люди, наконец, вышли из домов. Сборы заняли больше пятнадцати минут, но в течении часа нестройная шеренга из сорока человек в возрасте от двух месяцев до шестидесяти, уже начали спуск по побитой дождями тропе, которую с трудом можно было назвать дорогой.

Мазгар и Бринус шли перед одной из повозок. Бринус выглядел бледным.

- В вагоне есть свободное место, - предложила ему Мазгар.

- Я в порядке, - пробормотал он. - Спасибо Акатошу, мне не приходится, как всем вам, таскать на себе тяжеленную гору мускулов.

- Нет, весь вес сосредоточен в твоей голове, - ответила она. - Seriously, тебе необходимо немного отдохнуть.

- Он может занять мое место, - раздался детский голосок. - Я хочу немного пройтись.

Мазгар посмотрела на повозку и увидела говорившего, ребенка в коричневых саржевых брюках и желтой фетровой рубашке.

- Видишь? - сказала она. - Мальчик готов уступить тебе место.

- Верно, - сказал ребенок, - только вот я не мальчик.

Мазгар изучающе посмотрела на короткую русую челку, курносый нос и худенькое тельце.

- Значит, девочка, - поправилась она.

- Всё в порядке, - повторил Бринус.

- Залезай, - сказала девочка, спрыгивая с повозки. - Мне уже семь! Я могу идти пешком так же хорошо, как любой из вас, и даже лучше.

Бринус показал головой, но на следующем шаге споткнулся.

- Ну, если учитывать обстоятельства... - вздохнул он.

- Вот и хорошо, - сказала Мазгар. - Ты нужен нам бодрым и свежим, когда червеходцы нас догонят, и это не ложь.

Она ожидала в ответ привычной остроты, но он просто кивнул и принялся карабкаться в повозку. Мазгар немного помогла ему, подтолкнув.

- Наконец-то, - сказала она, и повернулась к девочке. - Думаю, ты сможешь идти в ногу со мной?

- Я смогу идти в ногу с кем угодно, - сказала она.

- Вот и посмотрим.

- А ты - орк, - сказала девочка.

- О, правда? - оживился Бринус. - А я думал все это время, что она - плод счастливого союза свиньи и медведя.

- Что ты имеешь ввиду? - с любопытством спросила девочка.

- Не обращай на него внимание, - сказала Мазгар. - Он просто напрашивается, чтобы я помяла его лицо.

- А почему?

- Некоторым людям это нравится, - ответила она.

- Ух ты, я хочу посмотреть на это!

- Очень может быть, но после того, как он немного отдохнет. Как тебя зовут?

- Лорсетта, но все называют меня Гоблин.

- Почему?

- Не знаю, всегда так было... Мама всегда говорила, что у меня уши как у гоблина.

- Ха, - фыркнула Мазгар. - Если приглядеться, и вправду похоже. А кто из них твоя мать?

- О, она ушла, - сказала Гоблин. - Умерла, когда мне было шесть.

- Моя умерла, когда мне было семь, - сказала Мазгар. - Во время нападения на Орсиниум. Говорят, она убила тридцатерых до того, как смерть забрала её.

- Моя мама погибла не в битве. Она просто заболела, - девочка опустила голову. - С кем твоя мама сражалась?

- С редгардами и бретонцами, - ответила Мазгар.

- Это из-за нее ты стала Имперским солдатом?

- Да, это так. А ещё я стала Имперским солдатом потому что если бы не седьмой и пятнадцатый легионы, погибло бы намного больше народу. Они подвергали себя опасности ради нас, предоставили нам убежище в Скайримере.

- Вроде, как вы сейчас?

Мазгар вспомнила царивший тогда ужас и хаос, как они, полуголодные, многие недели шли сквозь снега и жестокий ветер.

- Надеюсь, что нет, - сказала она.

- А кто такие эти "червивые"? - спросила Гоблин после нескольких минут тишины.

- Что-что?

- Ты что-то говорила о том, что за нами идут червеходцы.

- Ах, да. Это я их так называю. Раньше они были людьми, - но после смерти какое-то колдовство оживило их, и теперь их тела кишат какими-то личинками - так что я называю их "червеходцы".

Мазгар думала, что это напугает девочку, но та выглядела, скорее, задумчивой.

- Моя мама похоронена там, - она махнула рукой в сторону деревни. - Как ты думаешь, они смогут её оживить?

- Нет, они оживляют только тех, кто умер недавно. В любом случае, это не было бы уже твоей мамой - просто тело, одержимое даэдра.

- Но зачем кому-то так делать?

- По-видимому, чтобы покорить Тамриэль, - ответила Мазгар. - Но как бы я хотела, чтобы тот, кто это делает, выбрал бы менее вонючую армию.

- Я могу сказать то же самое о кое-каких выборах Его Величества, - подал голос Бринус.

Мазгар уже собиралась ответить ему крепким словом, но увидела, что глаза Бринуса были закрыты.

- Малаух, - буркнула она, - язвит даже во сне.

Они шли вместе с девочкой, которая шла в бодром темпе и тараторила без умолку. Однако, с наступлением ночи, она и Бринус поменялись местами. Маг, отдохнув, стал выглядеть куда лучше.

- Ты позволила девочке занимать твои уши весь день, - сказал Бринус, - и ни разу не выглядела так, будто собираешься мысленно её пришить. Это на тебя не похоже.

- Разве?

- Помнишь того ребенка который носился вокруг нашего лагеря на подъеме к этой маленькой горной деревне? Тот, которого ты грозила примотать к дереву его же кишками?

- Ну, тот был просто невыносим.

- Уверяю, точно такой же, как эта девочка, - сказал он. - Что-то в тебе изменилось.

- Во мне? - она фыркнула.

- Я всё гадаю, когда ты задумаешься о том, чтобы начать выплевывать из себя маленьких свино-медведей.

- Сегодня ты несешь ещё больший бред, чем обычно, - сказала она. - Дети? У меня?

- Просто наблюдаю, - возразил он. - Ты не становишься моложе, и мы потеряли много боевых товарищей. Вот ты и думаешь, что...

- Это ты думаешь, - сказала она, - и чересчур много!

- Однако...

- Хватит уже! - огрызнулась она.

Пожалуй, она сказала это чересчур громко, потому что многие уже начали странно поглядывать в их сторону.

Она так и не смогла понять, какое выражение сейчас было у Бринуса на лице - виноватое или же самодовольное.

Люди.

На следующий день, после полудня, Мазгар увидела, как внизу из-за деревьев выглядывает высокий шпиль часовни Аркея. Пешком они быстро добрались бы туда, но повозки с трудом катились под гору. Знакомое чувство опасности мурашками пробежало

по её спине, ощущаясь всё более и более отчетливо, и она обернулась через плечо, хотя и Коалс, и Мирзан, что замыкали отряд, были более чем внимательными. Но сигнал опасности раздался не со стороны, где шли Коалс и Мирзан, - а с севера, по левому флангу, где шли они с Главиусом и На-нашей.

Двое мужчин появились сразу же после сигнала.

- Они отрежут нас от Чейдинхола, если мы не поторопимся, - сказал На-Наша, часто перебирая своими чешуйчатыми пальцами, как он всегда делал, когда волновался.

- Это всё из-за повозок, - сказал Фелкас, и повернулся к беженцам. - Мы успеем, но придется бежать. Бросайте всё, слышите? Чейдинхол прямо внизу холма, отсюда не более полумили.

Мазгар скинула наплечный мешок и потянулась, чтобы взять Гоблина на руки, но девочка показала головой.

- Я же говорила, что бегать умею. Понеси Рифа Биланкура - у него что-то чудное с ногами.

Мазгар кивнула и взяла мальчика, которому было около шести и который месил вдвое меньше, чем её наплечный мешок. Лошадей отвязали от повозок и усадили на них стариков. Матери прижали к себе младенцев.

Фелкас задал темп, и отряд пошел медленной рысью. Мальчик, сидящий на плечах у Мазгар, хихикал, очевидно, думая, что всё это было какой-то игрой. Гоблин не зря хвасталась - она шла рядом, не отставая.

Когда они вышли на поле, Фелкас немного ускорил темп; за лесополосой уже виднелись стены Чейдинхола.

Но червеходцы, держа грубый строй, быстро приближались к их левому флангу, и Мазгар с легкостью могла сказать, что они опоздали. Кто-то из беженцев кричал или начинал плакать, но большинство, охваченные ужасом, сорвались на бег.

Фелкас что-то кричал, но Мазгар не смогла разобрать слова. Через мгновение На-Наша, Коалс, Касион и Лижущий-Сахар разорвали строй и вместе с Кар встали позади полукругом.

- Капитан! - закричала она. - Разрешите присоединиться...

- Отказано! - крикнул Фелкас в ответ. Прорывайся. Приложи все усилия. Вперед!

Она и Бринус переглянулись.

- Я с тобой, - сказал он. - Куда бы ты ни пошла.

Мазгар взглянула на Гоблина, чувствуя тяжесть на своей спине.

- Я не отдаю приказы, - прорычала она.

И побежала.

Прежде чем они достигли деревьев, она оглянулась, потому что её спину вдруг обдало жаром, и она услышала приглушенный звук взрыва. Позади не было видно ничего, кроме развевающегося пламени и черного, жирного дыма.

Они пробежали через деревья на поляну вокруг городских стен. Ворота были справа. Они стояли открытыми, их охраняла застава из полсотни солдат.

До ворот оставалось каких-то тридцать шагов, когда Гоблин закричала. Мазгар обернулась и увидела, что их нагоняют шестеро червеходцев.

Она поставила Рифа на землю и выхватила из ножен Сестру.

- Отведи их за стены, - прорычала она Бринусу. И, приняв боевую стойку, замахнулась мечом.

Сестра поймала первого - полуобугленного данмера - на стык его ключицы и шеи, и тяжелое лезвие прорезало его ребра наполовину, застряв. Взревев, следующий удар Мазгар нанесла по лицу червеходца, едва тот занес тяжелый изогнутый клинок, с наслаждением чувствуя, как хрящ и кости ломаются под её кулаком. Она ударом меча отшвырнула труп в двух приближающихся мертвецов, чтобы хоть на несколько секунд их отвлечь, пока она разбирается с четвертым, на этот раз - безоружным, и проревела тот же боевой клич, что ревела её мать в своем последнем бою. Перед глазами заплескали красные пятна, и ярость поглотила её.

Следующее, что она осознала, - Гоблин ей что-то кричит. Мазгар отстраненно посмотрела вниз на груды тел, - Сестра всё ещё торчала из одного трупа. Более полусотни червеходцев были всего в двадцати ярдах от неё, и стремительно приближались.

Она наступила сапогом на грудь мертвеца и вытащила свой меч, затем развернулась и направилась, с трудом переставляя ноги, к воротам, где уже ждали остальные.

Фелкас приказал всем поесть и отдохнуть - никто и не возражал. У червеходцев не было осадных машин, а у Чейдинхола, в конце-концов, были и свои солдаты, и смешанные отряды Имперский войск. По прошествии часа под замком, что возвышался на северном краю города, был разбит лагерь, и Мазгар, наконец, впервые за долгое время поела горячей еды и выпила прохладного эля.

Она не помнила, как провалилась в сон, и следующим, что она увидела, когда разлепила глаза, была мягкая полоска света, виднеющаяся через приоткрытый тент.

Она оставила броню в палатке и вышла на улицу, немного размять суставы и прогуляться вниз по реке, протекающей через город. Солнце ещё не взошло над городскими стенами, но все уже просыпались. Крепкие, коренастые лошади тащили повозки, груженные мешками и ящиками, через мосты. На другом берегу реки данмерка забрасывала в воду сеть, которая извивалась, как живая, когда туда попадала рыба. Ноздри Мазгар защекотал запах жарившийся сосисок.

Но большинство людей сейчас стояли на стенах.

Мазгар какое-то время просто смотрела на речной поток.

Она узнала Бринуса по звуку его шагов.

- Хорошее место, - сказал он. - Тебе доводилось бывать здесь раньше?

- Нет, - сказала она. - Но дома здесь чудные, - она кивком указала на здания за рекой. Большинство городских построек были из деревянного бруса. Первые этажи облицовывали каменной кладкой, а верхние покрывали побелкой, не трогая распоры и балки, которые сами по себе создавали на доме причудливый узор. Края крыш были загнуты вверх, а деревянная черепица походила на чешую.

- Это называется "полу-опалубка", - пояснил Бринус. - Так строили в Морровинде - раньше, по крайней мере.

Мазгар бросила прутик в реку и смотрела, как его уносит течением.

- Ты слышал что-нибудь?

- Нет, - ответил он, - но мне нужно посмотреть через мои приборы...

- Тогда поднимемся на стену?

- Лучше повыше, - сказал он, указывая на каменное здание, украшенное разноцветной стеклянной мозаикой, возвышающееся над остальными домами.

- Я с тобой, - сказала она.

- Не думаю, что сейчас мне нужна охрана, - сказал Бринус.

- Никогда точно не знаешь, когда она может понадобиться.

Внутри часовни Аркея стояла тишина. Всё было залито радужным светом. Они нашли священника и, когда они вкратце объяснили ему ситуацию, он показал им путь к самому высокому шпилью.

Оттуда даже люди на стенах казались крошечными. Она пристально вглядывалась в даль, смотря через лес и холмы на Горы Валус.

И с огромным усилием заставила себя посмотреть на то, что происходит вблизи.

Червеходцы заняли позиции в нескольких сотнях ярдов от городских ворот.

- Они за пределами досягаемости баллисты и катапульт, - сказала Мазгар. - Они не глупы.

- И правда, - ответил Бринус. - Некроманты создают подобных существ, но те, как правило, не способны мыслить. И получаются крайне медлительными. Здесь мы имеем дело с чем-то новым... чем-то иным... Ты слышала о том, что случилось прошлой ночью?

- О чем это ты?

- Человек умер своей смертью, от болезни, но восстал как один из них. Стража поймала его, и подняла тревогу. И было ещё три таких же случая.

- Так же, как Яро, и остальные погибшие в горах...

- Верно. Какие бы силы не оживляли их, они явно способны делать это на расстоянии большем, чем пара шагов.

- Всякий раз, когда кто-нибудь умирает, мы рискуем получить поднявшийся труп в городе.

Бринус кивнул.

- Ты предполагаешь... что они будут пытаться взять нас измором?

- Нет, - ответил маг. - Я думаю, они просто ждали подкрепления, - сказал он и указал вперед.

Вдалеке он смотрелся бледным облаком, но она сразу его узнала.

К городу летел сам Умбриэль.

Анниаг вытащила ядрышко из зеленого ореха, положила в рот и принялась медленно жевать. Она сперва почувствовала легкое жжение, как от черного перца, а затем уже сильное, ударившее в нос подобно огненной горчице и зеленому луку. Хотя на ощупь он напоминал, скорее, вареный кешью.

- Просто великолепно, - сказала она Глазу. - Что это?

- Кое-что новенькое, - сказал он. - Похоже, из Морровинда.

- Может быть, - с сомнением протянула Аннаиг.

- Верт говорит, что клоака может не производить какую-то вещь годами, а затем начать вновь, в то время как что-то другое на какое-то время создавать перестанет.

- Как она это создает? - удивилась Аннаиг. - Может, Умбриэль хранит где-нибудь яйца и семена?

- Я так не думаю, - ответил ей Глаз. - Я думаю, это деревья.

Глаз выглядел очень взволнованно, казалось, он едва держит себя в руках.

- Деревья?- спросила она.

- Деревья, что растут в Круговерти, - пояснил он. - Ты видела их, когда мы пытались сбежать.

- А, да, - сказала она. - Но было слишком темно, и я думала в основном, - как ни странно, - о побеге.

- Я считаю, что эти деревья - сородичи хист.

- Любопытно. Но я не могу представить, что это может значить.

- Хорошо... представь водяной дуб и белый дуб, что растут в Чернотопье. Они оба - дубы, потому что плодоносят желудями; их листья расположены по спирали. Но в остальном они отличаются. Но похожи, как родственники.

- Допустим, - сказала Аннаиг. - Я поняла, что ты имеешь ввиду, хотя я никогда не думала об этом в подобном ключе. Так ты говоришь, что деревья Круговерти разумны, как хист?

- И да, и нет. Они общаются, как и хист, но на ином наречии. Я не мог их услышать, пока Фена не показала мне, как, а после...

- Фена?

- Да, она одна из тех, кто работает в садах. Она и помогла мне найти тебя. Разумеется я упоминал о ней.

- Нет, это вряд ли, - сказала Аннаиг.

- Ну, я иногда с ней общаюсь, - пробормотал Светло-Глаз. Это прозвучало несколько оборонительно.

- Деееевушка?

- Да, она на женская особь.

- Ух-ууу!

Глаз издал сдавленный горловой звук, как она поняла, от смущения.

- Это не то, - сказал он. - Она не... Я имею ввиду, она же умбрилианка. Похожа на данмерку.

- Прекрасно. Я просто немного удивлена, почему ты не упомянул её раньше, раз уж так дружен с ней.

Глаз удивленно моргнул, и Аннаиг поняла, что сморозила глупость. "Вот ведь ревнивая... И с чего бы мне ревновать?"

Но ведь все эти годы они с Глазом были лучшими друзьями, а он даже не рассказал об этой Фене...

Она постаралась выбросить эти мысли из головы.

- Что там с деревьями? - сказала она.

- Точно. Некоторые из аргониан верят, что хист пришли в Тамриэль из Обливиона. Умбриэти тоже пришел из Обливиона, так что, вполне возможно, что хист и деревья Круговерти - и впрямь дальние родичи.

- Если и так, то это просто совпадение.

- Не думаю, что совпадение. Я считаю, что городское дерево как-то связалось с Умбриэлем, или же деревья Круговерти связались с хист - в любом случае, они заключили некий тайный союз.

- Здесь такие злые деревья?

- Нет, но они - нечто большее, чем хист. Не столь разумны, хотя, возможно, их разум просто иной. Первородный. Но, как и хист, они могут создавать из своего сока разные вещи, как это делаете вы с помощью своего оборудования. А ещё они способны создавать жизнь, меняя её форму.

Аннаиг призадумалась.

- Это имеет смысл. Одна из моих обязанностей - забирать ингредиенты из ямы и готовить из них питательную массу для деревьев, но часть этого процесса предполагает, что корни сами высвобождают вещества. Я не работала в больших чанах, но заметила, что корни всегда вовлечены в процесс.

- Я думаю, это деревья запоминают все формы жизни, что когда-либо были на Умбриэле, - сказал Глаз. - Скорее всего, это они создают маленькие зародыши, личинки умбредианцев. А инжениум дает им души, и они растут по форме, которую помнят деревья.

- Да, это и впрямь любопытно, - сказала Аннаиг. - Если бы могли отравить деревья, это, по сути, уничтожило бы Умбриэль.

Аргонианин округлил глаза.

- Но ты ведь не можешь... - начал он, но запнулся. - Это займет много времени, - сказал он. - Или может оказаться невыполнимой задачей.

- Если их корни связаны, как и у хист, - они все черпают пищу из ямы.

На лице Глаза промелькнуло странное выражение, которое она никогда не видела у него раньше, но оно очень напоминало гнев.

- Послушай, - сказала она, - ты ведь сам говорил, что все эти деревья виновны в гибели всех, кого мы знали.

- Я этого не говорил, - сказал он, - я говорил, что их использовали. Кто-то другой.

- Глаз, ты не можешь... Я знаю, что ты успел привязаться к здешним людям, но....

- Зато ты - нет, - сказал он. - Ты ненавидишь каждого на Умбриэле.

- Глаз, человек, которому я предложила дружбу, пытался меня убить!

- Знаю, - сказал он. - Но скроу - не такие. И Фена.

Аннаиг вздохнула.

- Так, давай сосредоточимся на другом. Как насчет кухни Фамер? Смогу я туда попасть?

- Ну, далеко ты не уйдешь, - сказал он. - Не дальше, чем смог бы я пробраться в вашу кухню.

- Но мы здесь.

- Нет, нет. Я могу добраться до вашей кладовой, как и любой из другой кухни, если хорошо замаскируется. Но, если идти дальше - наткнешься на ловушки. Некоторые из них находятся прямо в стенах - это живые существа, которые могут увидеть и почуять запах незваных гостей. Другие ловушки, насколько я понял - магические. Насколько я знаю, уже около двадцати человек пытались пройти дальше кладовой в кухне Фамер; все были пойманы или убиты. И почти столько же пытались попасть в кухню Тоэла, как раз после того, как ты начала здесь работать.

- Я ничего об этом не слышала.

- Это потому, что они сразу оказались в клоаке, - сказал он.

- Мда... Но ты думаешь, я смогу попасть в кладову.

- Ночью, и если ты будешь крайне осторожна.
- А если предположить, что я невидима, не пахну и не издаю звуков? - спросила она.
- Ты смогла бы, как и некоторые из погибших, сделать ещё пятнадцать шагов.
- Ладно, - сказала она. - Спасибо, Глаз, ты мне очень помог.
- То, что ты собираешься сделать - самоубийство, - сказал он. - Помнишь, как в последний раз ты пыталась сделать меня невидимым? Целую неделю мои внутренности были выставлены на всеобщее обозрение!
- С тех пор я многому научилась, - заверила она.
- Надеюсь, что так. Когда ты отправляешься?
- Этой ночью.

Аннаиг разбудило легкое прикосновение к её руке. Она открыла глаза и увидела маленькую фигурку Дугла, по-лягушачьи сидящего на стуле рядом с её кроватью.

- В чем дело? - спросила она.
 - Тебя хочет видеть шеф Тоэл, - сказал он.
- Она потянулась, потирая глаза.
- Что случилось?
 - Вам не положено спрашивать, - осторожно ответил Дугл.

Аннаиг оглянулась.

- Где Слир?
- Её вызвали раньше.
- И она надела мою черно-золотую накидку?

Дугл выглядел озадаченным.

- Вы сами сказали, что я могу предложить её ей.
- Верно. Так я и сказала... Ну, что ж, тогда принеси мне просто черную.

Дугл кивнул и спрыгнул со стула.

Часом позже, одевшись должным образом и уложив волосы, она встретила Тоэла на его балконе. Заместитель шеф-повара Интовар и Яум стояли слева и справа от него. Интовар был длинным и тонким молодым парнем, с грязными соломенными волосами. От него исходила какая-то ядовитая аура.

Яум была тучной женщиной с миловидным, похожим на сердечко, лицом и смуглой кожей. Она никогда ни с кем ни общалась, за исключением случаев, когда нужно было передать заказы.

И - конечно - здесь была Слир.

На другой стороне балкона - если провести невидимую границу - стояла другая компания. Невероятно высокая, стройная женщина с короткой стрижкой и изумрудными глазами, очевидно, была главной. Её сопровождали двое мужчин, один с кирпичного цвета кожей и рогами на голове. Другой был похож на человека, и всем своим видом выражал крайнее удивление.

- Шеф Тоэл, - сказала Аннаиг, слегка склонив голову, приветствуя его.

Он слегка улыбнулся и жестом показал на зеленоглазую женщину. - Я хотел бы представить тебе шеф-повара Фамер и её помощников, Джола и Эгрин.

- Моё почтение шеф-поварам, - ответила Аннаиг.

Фамер улыбнулась, но её улыбка напомнила Аннаиг зубастый оскал пираньи.

- Я как раз говорил о том, что наши повара - крайне изобретательны, - сказал Тоэл.

- Надеюсь, что это так, - ответила Аннаиг.

- И всё же твоя изобретательность имеет границы.

- У всего есть границы, - осторожно сказала Аннаиг.

- Значит, когда ты исчерпала собственные ресурсы, у тебя появился соблазн сделать кое что, что может тебе дорого обойтись, - продолжила Фамер.

Аннаиг покосилась на Тоэла, но лицо шефа было непроницаемым.

- Не понимаю, о чем Вы.

Деланная улыбка мгновенно сошла с лица Фамер, которая теперь едва не тряслась от гнева.

- Значит, ты отрицаешь, что прошлой ночью проникла в мою кухню в попытке украсть секрет девятого вкуса?!

- Шеф Фамер, - сказала Аннаиг, - я не делала этого.

- У нас есть свидетельства того, что сделала ты. И другие улики.

- Свидетельства?

Она не могла не заметить плохо скрываемый триумф на лице Слир.

- Если это действительно твоих рук дело, - сказал Тоэл, - ты знаешь, что я обязан передать тебя Фамер. Это закон.

- То есть, ворваться на чужую кухню и убить там всех - разрешается, а тайно проникнуть и украсть что-нибудь - нет?

- Я получил разрешение о нападении на кухню Куиджн, - ответил он. - Но мы сейчас говорим не об этом. Ты не глава кухни. Признайся, это была ты? Ты пыталась украсть в Фамер?

- Я уже говорила, что не делала этого, - с нажимом произнесла Аннаиг.

- Что ж, сейчас и проверим, - сказала Фамер. Она указала на коробку, стоявшую на полу, и на склонившегося над ней краснокожего. Краснокожий открыл крышку, и из коробки вылезло какое-то существо. Сперва Аннаиг решила, что это паук, но ноги существа не были твердыми, они были больше похожи на гибкие щупальца, как у кальмара, а ещё у существа что-то виднелось посередине. Что это были крылья, как у москита, Аннаиг поняла лишь когда они развернулись. Существо сейчас как раз напоминало москита, только огромного, размером с ладонь.

Очертания крыльев размылись в движении, и маленькое существо поднялось в воздух; три жала-антенны начали тщательно исследовать пространство перед Аннаиг. Она стояла, как вкопанная, гадая, есть ли яд в этих жалах и ужалит ли её москит, если вдруг она где допустила ошибку. Аннаиг пыталась заставить свое сердце биться медленней, но оно бешено стучало против её воли.

Щупальца щекотали её лицо, скользнули под одежду, задержались на левой руке, но затем существо метнулось к Слир и издало противный писк на высоких нотах. Фамер нахмурилась, но уголки губ Тоэла дернулись вверх.

Слир выглядела озадаченной, но затем в её глазах промелькнула тень ужаса.

Тоэл жестом указал сначала на Фамер, затем на Слир. Двое его охранников схватили Слир за плечи, а Фамер бросила совершенно дикий взгляд на Аннаиг.

Фамер заглянула сперва в один карман Слир, потом в другой. Из второго она достала маленький флакончик. Она откупорила пробку, понюхала, и затем потрогала пальцем.

- Это он, - сказала Фамер. - Запах моей кухни на её платье, девятый вкус - у неё в кармане. Разве нужны ещё доказательства?

- Мне этого достаточно, - сказал Тоэл. - Всё предельно ясно.

- Как тебе это удалось? - спросила Фамер у Слир. - Я знала, что кто-то пробрался на кухню, но вы обошли самые опасные ловушки, призванные охранять этот вкус, и не оставили там никаких следов. Я должна знать, как это у тебя получилось.

- Это не я! - взорвалась Слир. - Это всё Аннаиг! Она всё как-то подстроила - стала бы я предупреждать вас о том, что она собирается делать, если бы это была на самом деле я? Почему я?! Это её рук дело! - она в ярости рвала на себе одежду, точно та была на ней загорелась. - Это её наряд! Она обманула нас всех!

- Давай-ка кое что проясним, - мягко сказал Тоэл. - Ты предупредила Фамер насчет одного из моих работников? За моей спиной?

Слир снова сжалась, как загнанный в угол зверек, всхлипывая, будто это могло как-то помочь.

- Она теперь моя, - сказала Фамер.

- О, конечно, ты можешь её забрать, - ответил Тоэл. - Я не сомневаюсь, ты как следует отомстишь за нас обоих.

- Сперва будут вопросы, - сказала она. - Очень много вопросов, - она кивком указала на Аннаиг. - А также я хотела бы допросить её.

- Нет никаких улик против неё, кроме показаний воришки, - ответил Тоэл. - Ты не можешь её забрать.

Фамер надменно вздернула подбородок, но спорить не стала. Вместо этого она приказала своим людям увести Слир.

- Аннаиг, пожалуйста... - захныкала Слир.

Она почувствовала, как её сердце смягчается, и вспомнила первые недели на Умбриэле, ночи, когда они вместе со Слир смотрели на звезды.

- Это не моя вина, Слир, - тихо сказала она. - Ты своими действиями этого добилась.

И Слир увели. Она больше не просила и не умоляла, по крайней мере, Аннаиг этого уже не слышала.

Когда все ушли, Тоэл указал на стул.

- Сядь, - сказал он.

Она села.

- Это сделала ты? - спросил он.

- Шеф... - начала было она.

- Ты в безопасности, - прервал он её. - Если ты не оставила какие-нибудь доказательства своей причастности, которые могут всплыть позже, то ты в безопасности. Я видел, как ты манипулировала Слир, заставив её побежать докладывать Фамер, и как ты использовала запахи её кухни на платье, и как ты смогла оттереть с себя эти запахи. Но я спрашиваю тебя снова - как ты это сделала, как смогла обойти самые сложные ловушки и украсть самый девятый вкус?

Аннаиг чувствовала, как страх внутри нее тает, уступая место триумфу и ликованию.

- А я не крала, шеф, - сказала она.

- Что ты имеешь ввиду?

- Я вошла только во внешние коридоры её кухни, чтобы запачкать накидку. Девятый вкус я создала - или открыла заново - своими силами.

И, пожалуй, впервые за всё то время, что она знала Тоэла, его рот двигался так, будто он говорил, - но не издавал ни звука.

- Как? - наконец, спросил он.

- Просто немного подумала. После того, как я поняла принцип, сделать вкус было достаточно просто. И сейчас Фамер подтвердила мои догадки. До тех пор я не была полностью уверена в успехе.

- Что? У тебя есть ещё?

- Я могу сделать ещё, - заверила она его. - По понятным причинам, у меня нет девятого вкуса с собой.

- Но что он из себя представляет?

- Девятый вкус - противоположность всем другим вкусам. Это полное отсутствие вкуса.

Зрачки Тоэла сжались в точку и снова расширились, напомнив Аннаиг о Светло-Глазе.

- Подобно пробелам между словами, - пробормотал он.

- Я думала о музыке, - сказала она. - Существует множество звуков, аккордов, гармоний и диссонансов, но тишина - тоже часть музыки.

Улыбка Тоэла стала ещё шире. Он начал стучать пальцами по столу.

- Я рассчитывал на тебя, и ты это знаешь, - сказал он. - Но я думал, что все эти разговоры о том, чтобы порадовать меня "тем, чего я ещё не знаю, что хочу" - отъявленная чушь, - и вот ты делаешь это. И Слир - она даже не видела, что происходит. Но почему это заняло так много времени?

- Я занималась этим в свободное время, по личным причинам, - сказала она.

Его глаза блеснули, и он положил свою ладонь на её.

- Ты порадовала меня даже больше, чем ты можешь себе представить, - сказал он. - А иди ко мне, настала моя очередь тебя радовать.

Она сжала его руку, чуть склонилась вперед - и, слегка нерешительно, поднесла свои губы к его. Они были удивительно гладкими, как стекло, и внезапно у нее в животе закололо, как бывает, когда сильно волнуешься. Он ответил, сперва легко, но, когда он его поцелуй прозвучал жадно и страстно, она отстранилась.

- Когда я сама захочу.

Один или два вдоха она не верила, что он смягчится, но затем Тоэл рассмеялся.

- Когда-нибудь я тебя убью, - сказал он. - Но сейчас я люблю тебя. Теперь ступай, и создай для Лорда Рела что-нибудь воистину удивительное. Увидимся завтра.

Её колени дрожали, когда она шла по коридору.

- Хрртьфу! - выругалась она.

Она ненавидела Тоэла, ненавидела его больше, чем когда-либо. А вот её тело это нисколько ни заботило. И это было омерзительно.

Позже, в своих комнатах, она достала медальон. Быть может, сегодня Аттребус наконец её ответит?

Но так ли она хотела, чтобы он ей ответил? Чтобы она ему рассказала? Как смогла бы объяснить то, что предала Слир? Или рассказать, что произошло между ней и Тоэлом?

Никак. И потому она захлопнула медальон и попыталась заснуть, отвернувшись к стене - чтобы не видеть соседнюю, теперь опустевшую кровать.

Глава 8

Колин проснулся где-то после полуночи. Сначала он думал, что он один, но потом заметил Эрис, стоящую у окна. Она напомнила ему один из тех белых тополей, что одиноко растут вдоль ручьев в горах Анвила.

Она слышала его шаги у себя за спиной и обернулась, но её лицо было укрыто тенью от лунного света, мягко льющегося в окно.

- Я уже должна была уйти, - сказала она.

- Верно, - ответил Колин. - Почему ты всё ещё здесь?

Эрис пожала плечами.

- Я решила, что мы не закончили кое-что.

Должно быть, она увидела выражение его лица, потому что залилась смехом.

- Нет, я думаю, что прошлой ночью всё завершилось удачно, - сказала она. - Я имею ввиду, ведь тогда ты пришел ко мне с какой-то целью? Что-то мне рассказать?

- Да, - сказал он, удивляясь тому, насколько сейчас это казалось неважным. Но всё же он рассказал ей, что ему удалось узнать о делах Иерема в Чернотопье.

- Это подтверждает наши догадки, - сказала Эрис.

- Не только, - ответил Колин. - Дневник - это улика, ведь так?

- Улика, - сказала она. - Но не слишком весомая улика.

- И всё-таки, насколько весомая? Подозрительности Императора хватило на то, чтобы приставить тебя шпионить за Иеремом. Разве дневника недостаточно, чтобы убедить Императора?

- Не знаю, - сказала она. - Что тебе вообще известно об Иереме?

- Немного, - признался Колин.

- Его паутина везде. Он занимал высокое положение ещё при старой Империи, - был послом в Морровинде. Он был министром при Зулисе Бормочущем, боевом маге, который правил теми крохами, что остались от Империи перед тем, как Тит Мид занял трон.

- Я это помню. Народ его не слишком любил.

- Может и не любил, но Зулис Бормочущий был нибинейцем, и, несмотря на его различные извращения, многие на Совете предпочитали его коловианским захватчикам. А Иерем происходит из старинного нибинейского рода, у которого множество связей. Он смягчил последствия завоеваний, помог убедить Совет принять Тита Мида как освободителя, а не узурпатора. Он также оказывал огромное влияние на Синод. Он является вторым самым влиятельным человеком в Империи, несмотря на его напускное

лакейство, и, если Мид решит выступить против него, не имея неоспоримых доказательств, это может привести к гражданской войне.

- Мне трудно в это поверить.

- Только потому, что ты ничего не знаешь об Иереме. Я уверена, что Мид выйдет победителем в любом подобном конфликте, но вот какова будет цена...

- И что теперь?

Она повернулась к окну.

- Не беспокойся об этом, - сказала она. - Я постараюсь что-нибудь придумать.

- Твоя жизнь в опасности, - сказал Колин. - Иди к Императору, расскажи ему обо всём. Живо!

- Этого недостаточно, - она покачала головой.

- Конечно, у тебя есть какие-то способы связаться с ним. Тайные способы.

- Есть пароль, - сказала она. - Если пароль достигает ушей Императора, то он узнает, что нужно прийти в определенное место. Но, если я скажу пароль, он может сделать так, как ты и предположил...

- Тогда будет совсем паршиво?

- Да, потому что мы не в состоянии остановить Иерема. После десяти лет - я должна была выяснить больше...

- Тогда позволь пойти мне, - сказал Колин. - Я буду говорить за тебя. Я смогу всё объяснить.

Он не задерживал дыхание, но чувствовал, что в легких кончается воздух.

Она умела читать между строк.

- Не веришь мне, - сказала Эрис. - Думаешь, я лгу о том, что работаю на Императора.

- Я хочу тебе верить, - сказал он.

Она снова посмотрела в окно и закусила губу.

- "Джаспер", - сказала она. - Пароль - слово "Джаспер".

Прошлая встреча Колина с Императором проходила в тесной комнатухе без мебели. Его привели сюда с завязанными руками и повязкой на глазах, и он не видел дверь. Камень здесь был такого же цвета, как и в Башне Белого Золота, но больше - никаких намеков на то, где бы он мог находиться.

Они были не при дворе, и Император позволил себе не надевать королевское платье. На нём был коловианский солдатский мундир из темно-серой шерсти и кожаные штаны. Вместо короны голову венчал незатейливый золотой обруч. Палаш висел на своем месте в потрепанных ножнах. Два солдата стояли в паре ярдов от них, но Колин подозревал, что, реши он сделать что-либо, то умрет от руки Тита Мида прежде, чем любой из них успеет пошевелиться.

- Я знаю тебя, - произнес Император. - Ты тот молодой человек, кто сказал мне, что Аттребус не был убит в той резне вместе со всеми его людьми.

- Да, Ваше Величество, - ответил Колин.

- Ты инспектор в Пенитус Окулатус.

- Так точно, сир.

- И всё же ты явился ко мне, минуя своё начальство, использовав пароль, а также тот факт, что это слово известно лишь двум - мне и ещё одному человеку.

- Было известно лишь двум, сир. Сейчас это слово известно и мне, и человеку, что передал его Вам. Мне удалось вовлечь меньше людей, чем я рассчитывал, но больше, чем мне бы хотелось.

Тит Мид кивнул, признавая своё поражение. Потом он приказал охране удалиться, и Колин остался один на один с самым влиятельным человеком в мире.

- Кто прислал тебя? - спросил Император.

- Летина Эрис, Ваше Величество, - сказал Колин.

- Почему она не явилась сама?

- Двое ассасинов из Темного Братства пытались убить её несколько дней назад. Она опасается преследования, если отправиться к Вам самолично. Она в бегах.

- Кто нанял Темное Братство?

- У меня не было возможности это выяснить, сир. Оба убийцы мертвы, и я не смог обнаружить никаких следов их посмертия - по слухам, у Братства свои способы не оставлять после своих провалов болтливых призраков. Не удивительно, что у нас не оказалось никаких вещественных доказательств чтобы связать их с кем либо.

- Но, разумеется, у Эрис есть подозрения касательно того, кто мог попытаться её убить.

- Она подозревает министра Иерема, Ваше Величество.

Император кивнул.

- Ну, разумеется. А как ты замешан в этом, инспектор?

- Эрис попросила меня о помощи, - ответил он. - В поисках доказательств для того, чтобы обвинить Иерема в той резне - и покушении на Вашего сына.

- Забавно, - сказал Император. - Иерем предоставил мне некоторые свидетельства того, что за этим стояла сама Эрис.

- Она организовала нападение на отряд принца, - ответил Колин, - но приказ пришел свыше.

- От Иерема?

- Так она предполагает.

- Она *предполагает*? - Мид мерил шагами комнату, заложив руки за спину. - Десять лет она была там, - пробормотал он. - За всё это время, никаких доказательств. Ничего, что я мог бы использовать против него.

- Позвольте, сир... Я не понимаю... Если Вы подозреваете своего министра...

- Всё не так просто, - произнес Император. - Я не могу рисковать и устраивать внутренний конфликт, особенно когда мы столкнулись с этой армией ходячих костей, если можно так её обозвать.

- Сир, Эрис и я считаем что это не совпадение, - сказал Колин. - Мы думаем, что Иерем каким-то образом замешан в ситуации с Умбриэлем.

И он рассказал всё, что ему удалось узнать о тайной поездке Иерема в Чернотопье. Когда он закончил, Тит Мид долго стоял молча и неподвижно, и на его лбу заметно проступили морщины.

- Ты взял с собой этот дневник?

- Да, сир.

Он передал Императору книгу и ждал, пока тот задумчиво вчитывался в страницы.

- Почему ты не пошел с этим к начальству? - спросил он, когда закончил.

- Я не был уверен, что могу доверять им, Ваше Величество, - сказал Колин. - Я правда не знаю, кому можно сейчас доверять.

- Мне понятна твоя позиция. Но теперь я задаюсь вопросом, кому доверять *мне*. Это может быть правдой, но также есть вероятность, что дневник подделала Эрис, - он почесал подбородок. - Найди мне доказательства, - сказал Император. - Реальные доказательства. Такие, чтобы убедили Совет.

Он прислонился к стене.

- Ты знаешь, мы получили письмо с Умбриэля, которое доставил... гниющий труп... одного из моих генералов.

- Правда, сир? Письмо?

- Да, и весьма любезное письмо, якобы написанное самим хозяином этого места, который также зовет себя Умбриэль. Они перекрыли все пути к Имперскому Городу на востоке, и, вероятно, достаточно скоро они также будут держать и запад. Тем не менее, нам было сказано, что мы вольны покинуть город невредимыми, со всем нашим оружием и пожитками. Умбриэлю нужен этот город, а не его жители. Предложение заманчивое, но пока Умбриэль не прилетел. Разве это не выглядит странным?

- Разве Ваше Величество сами не давали возможность сдаться любому осажденному городу?

- Да. Но по нашим данным, Умбриэлю требуются души живых, чтобы оставаться в воздухе - и ни Коллегия, ни Синод не смогли понять, как защититься от этого способа убийства. Почему Умбриэль вдруг позволяет топливу, что заставляет работать их двигатели, просто уйти?

- Очевидно, Ваше Величество, им нужно нечто больше, чем топливо. Что-то здесь, в городе.

- Или, возможно, Умбриэлю нет дела до города, а летит он оказывать помощь союзнику, который его призвал. Если я уйду вместе со своей армией, что сделает Иерем? Завладеет тронem, а после пошлет Умбриэль уничтожить мою армию и меня?

- Исходя из того, что мы знаем, есть и такая возможность, - сказал Колин.

- И всё равно этого недостаточно, чтобы рисковать гражданской войной, если я ошибаюсь. Так что - ищи доказательства. И не привлекай никого, кроме Эрис.

Тит Мид залез в карман и достал маленький стальной ключик.

- Используй его с осторожностью, - сказал он. - Это ключ от министерства Иерема и его личных покоев. Если он поймает тебя, он поймет, что ты - мой человек, и тогда наши дела станут ещё хуже. Если Иерем связан с Умбриэлем, то может знать некоторые его секреты - кто им управляет, как его остановить. Выясни это для меня, и как можно быстрее. Я не слишком разборчив в методах, - ты понимаешь, о чем я? У нас мало времени. Если ты ничего не найдешь, мы начнем его допрашивать, несмотря на последствия - пока враг не настигнет нас.

- Я понял, Ваше Величество.

Глава 9

Два часа Аннаиг безуспешно пыталась заснуть, и, когда пошёл третий, она оставила тщетные попытки и села на постели. Несмотря на свои ранние опасения, она проверила медальон, но, как она и ожидала, Аттребус не ответил. Она уже начинала думать, что он погиб.

- Я не сожалею о том, что сделала со Спир, - пробормотала она себе под нос. - Я должна была так поступить.

Но для чего? И что теперь будет? Она могла продолжать эту игру с Тоэлом какое-то время, но вскоре его терпение лопнет, и ей придется либо резко ему отказать, либо исполнить его... желания.

Так уж ли это плохо?

- Да, - сказала она себе. Если бы это сработало, помогло ей приблизиться к разгадке, как сорвать Умбриэль с неба, - тогда всё отлично. Но это никак не поможет. Если она станет любовницей Тоэла, она сможет немного подняться в должности, но вскоре, когда она наскучит ему, как и случилось со Спир, - её дела станут хуже, чем раньше, - или, по крайней мере, не лучше.

Всё, что ей остается - избегать его, а это означает, что продвигаться вверх ей предстоит, используя лишь собственные таланты, не полагаясь на Тоэла. И эта отличная возможность вскоре представится, - и второго шанса может уже не быть. Если она приготовит идеальное блюдо, привлечет внимание тех, кого Тоэл называет "лорды" - тогда, действительно, у неё появятся возможности для того, чтобы что-нибудь предпринять.

Она начала и не остановиться на полпути. Если она приготовит идеально блюдо для лорда Рела, лучшее, что ему доводилось вкушать - если ей удастся его поразить - возможно, он сделает её шеф-поваром и у неё появится собственная кухня.

Аннаиг долго размышляла над планом, и это её успокоило. Наконец, с мечтами о невиданных блюдах и кушаньях, она заснула.

Она снова встретила с Глазом. На этот раз они сидели высоко на одной из раскидистых ветвей при свете двух лун. Аннаиг попыталась разглядеть что-нибудь внизу, но за стелящимися по земле туманом и облаками почти ничего не было видно. Сегодня Глаз был непривычно молчалив.

- Ты слушаешь деревья? - спросила Аннаиг.

- Я размышляю, - тихо ответил он. Его голос звучал странно - очень печально.

- Я не хотела этого делать, - сказала она. - Но мне пришлось.

- Я думаю не о Спир, - сказал Светло-Глаз. - А о твоей новой просьбе.

- Это будет легко, - сказала она. - Даже при том, что скроу никогда не ходят дальше кладовых, они общаются с тамошними рабочими - я это точно знаю. Немного информации - это всё, о чем я прошу.

- Нет, ты просишь очень много информации. И скроу уже предоставили тебе массу сведений - и ничего, между прочим, не получили взамен.

- Неужели это встанет между нами? - спросила она. - Глаз, я хочу точно знать, что могу на тебя рассчитывать. Хочу знать, что мы по-прежнему друзья.

- Я твой друг, - сказал он. - Разумеется, я твой друг. И я сделал всё, о чем ты просила, разве не так? Может, пришло время и тебе мне помочь? Вот всё, о чем я говорю.

- У меня до сих пор не хватает воды, чтобы сделать зелье водного дыхания в достаточном количестве, - сказала она. - Я бы сделала, если бы только могла.

- Это я понимаю, - ответил он. - Оружие - вот что мне нужно прямо сейчас.

- Что?!

- Трубы, по которым отходы поступают из Выгребной Ямы в Клоаку - живые. По всей длине у них своеобразные мышцы, которые сжимаются и разжимаются, чтобы переносить отходы или сдерживать их по мере необходимости. Мне нужно средство, способное парализовать эти мышцы и антидот к нему. Ещё мне нужно что-то, что можно подмешать в пищу и сделать её невкусной и несъедобной, но не ядовитой. Вот какое оружие мне нужно, чтобы возглавить саботаж скроу. Мне не нужно много зелий - просто, чтобы хватило. Я знаю, ты сможешь всё это приготовить.

- Смогу, - подтвердила она. - Дай только подумать минутку.

Она закрыла глаза и почти ощутила, как мир внизу зовет и манит её, - такой близкий, и такой невероятно далекий. До сих пор ни один из её экспериментов не давал никакой надежды, что она и Глаз когда-нибудь смогут покинуть это место, не растворившись в небытие. Это был шанс разрушить её тюрьму. Благодаря Глазу она узнала, как навредить Умбриэлю, и целую сеть для этого... Как она могла отказаться?

- Хорошо, - сказала она, наконец. - Но мы должны действовать осторожно. И сделать всё по уму. Во-первых, кухня Тоэла должна иметь возможность продолжать работать, по крайней мере, сейчас. И в то же время у нас не может быть иммунитета к атакам, так мы привлечем слишком много внимания. Я думаю, так будет лучше - как минимум, никто не узнает, что за саботажем стоят скроу.

- Не понимаю, - сказал Глаз. - Мы ведь пытаемся привлечь внимание лордов к проблеме ядовитых паров. Если они не будут знать, что это мы...

- А я думаю, что вы просто не понимаете, с кем имеете дело, - сказала ему Аннаиг. - Как только они начнут подозревать - или ещё хуже, - скроу или кухни - я уверена, лорды сразу обратят на вас внимание. А я видела, что это значит.

- Но они же не станут убивать всех.

- Нет, но они могут убить тебя. А после выяснить, кто остальные лидеры и убить их тоже.

- Возможно, и так.

- Последуйте моему совету, - настаивала она. - Когда всё пойдет кувырком, когда лорды увидят, насколько они уязвимы, тогда на сцену вступите вы, всё вернете на место, а после выступите с просьбой, но только - только! - насчет замены ядовитых паров.

- Это твой совет? - спросил Глаз.

- Ну, для начала мы сделаем так, чтобы кухни думали, что это происки других кухонь.

- Как же мы это сделаем?

- Банкет. Тот самый, для которого мне и нужен был девятый вкус. Сам Умбриэль будет присутствовать. Четыре кухни сражаются за право готовить на этом банкете. Никто не удивится, если они начнут ставить друг другу палки в колеса, верно?

- Кажется, я начинаю понимать, - сказал Глаз. - Ну, и конечно, ваша кухня извлечет максимальную выгоду из сложившейся ситуации.

- Точно.

Глаз почесал руки.

- Мне это идея не кажется совсем уж плохой, - сказал он. - Но почему ты хочешь, чтобы Тоэл добился успеха?

- Потому что если преуспеет он, преуспею и я. Он может получить привилегии, которые коснутся и меня тоже.

- Почему тебя это так заботит?

- Потому что, чем больше у меня окажется полномочий, тем больше я смогу навредить Умбриэлю. И смогу помочь скроу.

Он кивнул.

- Это имеет смысл, - сказал он. - Я переговорю с остальными.

- Я займусь изготовлением нужных тебе зелий. А теперь давай спускаться, пока нас не заметили.

- Я останусь ещё ненадолго, - сказал он. - Послушать деревья.

- Тогда увидимся.

Аннаиг ощущала бурлящее чувство вины, ведь она совсем не хотела обманывать Глаза, но тот совсем потерял чувство реальности. Она любила его, нуждалась в нем - но, если она должна будет использовать его, - ради общего блага, ради их мира - она будет его использовать.

Лицо Тоэла скривилось от отвращения, но оно быстро сменилось убийственной гримасой, - Аннаиг чувствовала, как по её телу разливается страх. Но потом она заметила, что Тоэл так отреагировал не на эссенцию утиного яйца, что она дала ему попробовать, - он принохивался к чему-то в воздухе.

- Это фильтры для очистки воды, - поспешно сказала она. - В Выгребной Яме засор.

- Мне это известно, - сказал Тоэл. Его голос был ледяным. - Не думай, что ты одна такая осведомленная. Я знаю каждый запах на своей кухне. Когда один-единственный отброс попадает в малые трубы, мой нос раздрает от вони. Нас саботировали. Снова. Я не намерен это терпеть. Я не буду это терпеть!

- Но кому это нужно? - спросила Аннаиг.

- Возможно, Фамер, - прорычал он. - Это проблема, не так ли? Это может быть она, или же Ланель, или Эшдри.

- Зачем им это? Это обычные вещи во время состязаний?

- Не совсем, - Тоэл кипел от злости. - Это перешло все границы! - он хлопнул ладонью по столу. - Подобные соревнования проходят всё время. Все мы - соперники. Но раньше никогда не было столь массовых диверсий. Они ударили по нам - мы ударим по ним, - ситуация ещё больше обостриться.

- Постойте, - сказала Аннаиг. - Мы тоже будем в этом участвовать?

- Разумеется, да, - ответил Тоэл. - После того, как война началась, только дурак не станет сражаться. Но после нашего последнего ответа на нападки Фамер, я ошибочно посчитал, что вопрос закрыт. Но теперь она - или Ланель, или Эшдри - снова напали на нас.

- Почему нельзя поставить лордов в известность?

- Потому что нет закона относительно подобных вещей. Прямое вторжение регулируется строгими правилами, но вот эти небольшие диверсии... Даже несмотря на то что мы в состоянии выяснить, кто за ними стоит, думаю, ты понимаешь, что у нас не будет достаточно доказательств для лордов. Одними нашими догадками их не убедить.

- И кто всё это начал? - спросила она так простодушно, как только могла.

- Большинство считает, что Эшдри. У него было минимум шансов на победу, - Тоэл скупно усмехнулся. - А теперь и вовсе ни единого. - Мы с Фамер вывели его кухню из строя. У Ланель тоже дела не лучше.

- Это просто здорово, - сказала Аннаиг. - Кажется, наши дела лучше, чем у остальных.

- Кажется, кажется. Но все остальные ненавидят меня, ведь я поднялся из самых низов. Они гнушаются меня, они жаждут моего провала. И младшие повара видят это. Возможно, это они устраивают диверсии, в надежде, что я провалюсь и тогда они займут моё место. И вскоре они задумаются о том, чтобы объединиться против меня.

- Разве у Вас нет защиты? Вы можете назначить охрану...

- Назначить куда? В Клоаку? В Выгребную Яму? К фильтрам? Даже если бы у меня была сотня охранников, нет никакой возможности защитить все уязвимые места. Нет, единственное, что нам остается, - это жестоко ответить на их удар. Этим я и займусь. Я покажу им, что такое возмездие!

С этими словами он ушел, оставив Аннаиг работать в полной тишине.

Она едва сдерживалась, чтобы не начать напевать, но опасалась, что её хорошее настроение может выглядеть подозрительно. Её план сработал даже лучше, чем она представляла. В этот раз Тоэл ничего не говорил об этом, но на этой недели слухи разлетелись и Тоэл попросил её разработать зелье водного дыхания. Все главные кухни держали друг друга за горло, и все они были настолько жестокими, а это означало, что никому из них не пришлось в голову внимательнее присмотреться к вопросу о том, с чего это всё началось.

Глаз и скроу не слишком сильно вредили - немного здесь, немного там... И впервые за всё время, что она провела на Умбриэле, она слышала, как люди восторженно отзываются о скроу, говорят о том, как быстро они исправили все поломки, какие славные и безропотные они были всегда. Это были отличные новости, означающие, что Глаз может достичь своей цели без стачки между скроу и лордами - и, когда кухня Тоэла одержит победу, она сможет предложить разумную замену парам в качестве награды для скроу. У неё даже был идеальный предлог для того, чтобы изобрести более безопасное средство.

Конечно, в долгосрочной перспективе это было неважно, но это сделает Глаза счастливым.

Ещё одна причина, из-за которой Аннаиг с трудом сдерживала своё хорошее настроение - её успехи в составлении меню. Благодаря скроу она узнала не только вкусы и пристрастия Рела, но и предпочтения других лордов, что будут присутствовать на дегустации. Она знала, какие блюда любил лорд Рел, а к каким питал отвращение, и часть её плана заключалась в том, что блюда сами по себе будут слегка смущать и коробить. Она знала, что Рел был крайне капризен, и, прежде всего, равнодушен ко всему новому и необычному, но так же он гордится своим пристрастием к грубой пище. В этом он, кажется, подражал самому лорду Умбриэлю, хозяину места с таким же названием, который порой любил отужинать пищей из грубой материи. Рел услышал, что подобные вкусы - не признак отсутствия утонченности, а, напротив, возможность почувствовать вкус во всей его полноте.

Она работала, и её настроение лишь улучшалось в течении дня.

Глаз качался на ветке и ревел от восторга.

Он когтями вцепился в тонкие, подобные усикам, веточки, и ветер, круживший над Умбриэлем, волнами раскачивал деревья на самом краю острова. Рядом раздавался мелодичный залиvistый смех Фены, которая так же вцепилась в ветку, на которой сидела.

- Я же тебе говорила! - закричала она.

- Это здорово! - признался он. - Лучше, чем летать, по себе знаю!

- Ты летал? Как тебе это удалось?

- Неважно, - сказал он. - Это уже не важно.

Сперва это было просто захватывающим, но вскоре Глаз начал чувствовать деревья, их собственную радость - они радовались тому, что просто были, существовали, - и он ощутил, как его мягко потянуло в состояние чистой мысли, где не существовало слов, сдерживающих чувства, где нет никакой логики, что пытается всё упорядочить - где живы только цвета, запахи, звуки, осязание, эмоции и движение.

Когда Фена, наконец, уговорила его вернуться обратно на толстую, крепкую ветвь, он пошел, но с неохотой, и чувствовал себя посвежевшим, - наверное, впервые за долгое время.

- Спасибо тебе, - сказал он. - Это было чудесно.

- Ещё бы, - сказала она. - Иногда я мечтаю о том, чтобы разжать руки и никогда не возвращаться назад.

- Да... - сказал Глаз. - Но ты вернешься.

- Почему? - спросила она.

- Ну, потому - потому что умрешь.

- И вернусь на Умбриэль, чтобы родиться здесь снова. Люди всегда так делают.

- Умирают?

- Качаются на ветках, разжимают руки и срываются вниз. Они говорят, иногда эмоции деревьев поглощают настолько, что уже ничего не поделать.

- Откуда ты знаешь, о чем думают те, кто разжимает руки?

- Ну, мой друг Джайнил однажды почувствовал это, но Квирн его поймал. Но на следующий день он снова качался и всё же отпустил ветку...

Внутри него все ещё звучал отголосок чувства прикосновения к почти совершенному миру.

- А ты не думала о том, чтобы предупредить меня заранее? - поинтересовался Глаз.

- Предупредить? О чем?

- Потому что... - он запнулся, и начал снова. - Послушай, не делай так больше. Я не хочу, чтобы ты умерла.

- Глупости, я не умру, просто вернусь обратно на Умбриэль.

- Да - и родишься уже кем-то другим, кем-то, кто не помнит меня, кто уже не будет моим другом.

- Мне не нужно будет помнить тебя, - ответила Фена. - Я узнаю тебя, Светло-Глаз, в каком бы облике я не была, - она просияла. - Возможно, я даже смогу родиться в теле аргонианина, как у тебя. Это было бы весело!

Глаз чувствовал себя так, словно его накрыло горячей волной, и он смущенно что-то пробормотал себе под нос.

- Что-то не так? - спросила она.

- Пожалуйста, - выдохнул он, - просто пообещай мне - никаких больше катаний на ветках.

- Это для меня много значит, - сказала она. - Но если ты просишь, деваться некуда...

- Хорошо. Спасибо тебе.

Но она напомнила ему о том, о чем он старался не думать.

- Что теперь? - спросила Фена.

- Теперь? - вздохнул он. - Ну, если уж говорить о перерождении, то я должен вернуться в Клоаку и проверить новые коконы.

- Задержись хоть немножко, - сказала она умоляющим голосом.

- Я должен идти, - сказал Глаз. - К тому же, тебе тоже надо работать. Я не хочу чтобы у тебя были неприятности.

- Ладно, ладно. Тогда до завтра?

- До завтра.

Он ушел, но мысль о том, что Фена стала аргонианкой - или приняла какую другую форму - осталась с ним. На самом деле он настолько отвлекся, что понял, что достиг коконов и уже смотрит на них в течении долгого времени прежде он действительно их увидел.

Они выглядели очень похожими на детенышей Саксхлил. Их глаза были просто огромными.

Он знал, что так будет ещё до того, как увидел их, но всё оттягивал этот момент. Он не хотел смотреть правде в глаза.

Неважно, что случилось с кухнями и лордами, - скроу никогда не будут свободы от ядовитых паров. Они все умрут, один за другим, и им придут на замену существа, похожие на него, которым не нужны будут пары, чтобы дышать под водой. Страдания скроу закончатся только с их смертью.

Но это означает что и Верт, и Олас, и остальные скроу, работающие с ним, погибнут в страшных мучениях. Он надеялся их спасти, облегчить им жизнь, но вместо этого он стал живым шаблоном, обрекая скроу на страдания до конца их дней.

А ведь они были так близки. Кухня Тоэла победила бы, и вознаграждением для скроу была бы здоровая жизнь. Тогда пускай зародыши становятся аргонианами, а скроу будут доживать свои оставшиеся годы достойно.

И Глаз сделал то, что должен был сделать. Он осторожно убил их всех, отнес на самый край Круговерти и сбросил вниз, где их маленькие фигурки начали превращаться в дымок, а затем и вовсе исчезли.

Было утро за день до банкета, когда Тоэл пришел к ней. Его глаза сверкали ледяной яростью. Он был одет в рубашку и брюки, сшитые из грубой кожи или чего-то подобного. Он положил сверток с точно такой же одеждой на стол Аннаиг.

- Надень это. Мы идем вместе.

- Шеф?

- У меня есть проверенная информация о том, что подачу отходов в Выгребную Яму вновь саботируют, - сказал он. - Совсем скоро.

- Всё в порядке, - сказала Аннаиг. - Пока что это никак не повлияет на блюда.

- Нет, не в порядке! - закричал Тоэл. - С меня довольно! Кто-то умрёт за свою наглость, и я хочу быть там, чтобы это увидеть. И ты пойдешь со мной.

Светло-Глаз плыл по течению вдоль жилы трубчатой водоросли около двадцати футов длиной, смотря на приближающуюся к нему группу существ со стороны жерла ямы, куда спускают отходы. Существа не были скроу, и плыли ещё более неуклюже. Их было шестеро и они были вооружены длинными, опасно выглядящими копьями.

Он подождал, пока они скроются в темноте, и последовал за ними в темную расщелину, пытаясь решить, что делать дальше.

Он надеялся, что вооруженные существа станут шуметь и на шум придут его товарищи, но они двигались очень тихо, не разговаривая между собой.

Они остановились, чтобы проверить третичный жом, уже перекрытый, и затем поплыли в сторону туннелей технического обслуживания.

К большому клапану, состоящему из семи камер, тянулось множество тонких и гладких труб, которые всасывали сюда отходы из Выгребной Ямы. Здесь было темно от грязи, стоявшей в воде, но не так темно, как должно было быть. Свет от прибора, похожего на подводную лампу пробивался через мутную воду, освещая широко распахнутые глаза Верта, держащего в руках питательный инжектор.

- Эй, там, - раздался мужской голос. - Что ты делаешь?

Верт открывал и закрывал рот, не произнося ни звука.

- Просто проверяю мышцы, сэр, - сказал он, наконец. - Их в последнее время заклинивает.

- Да, есть такое, - согласился мужчина. Его спутники, между тем, окружили Верта. - Мне больше интересно, зачем тебе питательный инжектор. Их используют садоводы и фермеры из Круговерти. Насколько мне известно, в Клоаке они не применяются.

- Ну, я думаю, он упал - как раз оттуда, - попытался объяснить Верт. Это прозвучало совсем неубедительно. - Мне стало интересно, что это за штуковина...

- Не лги мне! - взорвался он. - Невероятно! Фамер настроила скроу против меня! Теперь всё ясно!

- Фамер? - Верт выглядел озадаченным.

- Не только строу, - сказал другой голос. - У них есть питательный инжектор - им точно помогал кто-то из Круговерти.

- Что ж, - сказал мужской голос. - Мы с этим разберемся. Если в диверсиях замешаны скроу и садоводы, лорды должны будут обратить на это внимание, - он ткнул копьём в сторону Верта. - Ты расскажешь нам обо всём, скроу.

- Только один я, - сказал Верт. - Никто больше не замешан. Только я.

- Сомневаюсь. Но мы выясним это ещё раньше, чем разберемся с диверсией. Я вытащу всю информацию, что находится в твоём крошечном мозге.

Глаз не сомневался, что человек сдержит своё обещание. Это означает, что в беде не только скроу, но и Фена.

Первый человек, вероятно, так и не узнал, что Глаз всё это время был здесь, пока тот не рассек его шею когтями. Второй лишь успел коротко взвизгнуть. Третий - как раз тот мужчина, что вел большую часть разговора - оказался быстрее. Ему удалось выхватить копьё и оставить Глазу глубокую рану вдоль брюха, прежде чем Глаз выхватил у него копьё и ударил острым гребнем в лицо человека, и человек с бульканьем стал опускаться на дно.

Глаз вовремя увернулся от удара копья, которое держала в руках краснокожая женщина с рогами.

Они все такие неуклюжие. Такие медленные.

Он увернулся от наконечника и вспорол женщине брюхо.

Другая женщина пыталась сражаться, в одной руке держа инжектор, и откуда-то появившийся Силинил скрутила её длинные руки и ноги между собой, в то время как Верт пронзил копьём чью-то шею.

Глаз чувствовал, как кровь сучит в его венах, и его охватывает незнакомое ощущение черной, страшной радости, затуманивая сознание.

Человек, которого он ударил шипами, возвращался. Глаз поплыл вниз, схватил его за волосы, и поднял его голову к своим глазам.

- Невероятно, - слабо произнес мужчина. - Тебе известно, кто я? Ты представляешь себе, что вы натворили?

- Нет, - прорычал Глаз.

- Я - шеф-повар Тоэл. Теперь ты понял? А теперь отпусти меня.

- Не думаю, что я могу это сделать, - сказал Глаз.

- Нет?! - глаза Тоэла вдруг засветились странным серебристым цветом, и вода вокруг начала шипеть и пошла пузырьками.

- Ааа!

Глаз закричал, когда страшная боль пронзила его руки. Мышцы бесконтрольно сжимались и разжимались, пальцы не слушались. Тоэл, рыча, подплыл к нему, а его оставшийся спутник быстро подплывал с другой стороны.

А Верт и Силинил были слишком далеко, чтобы ему помочь...

Схватка уже почти закончилась, прежде чем Аннаиг поняла, что это Глаз напал на них. Она ринулась к нему сразу же, как увидела его рядом с Тоэлом.

Она видела, как вода вокруг Тоэла забурлила, и Глаз вдруг забился в конвульсиях, задыхаясь от боли. Тоэл замер в воде, и знакомая самодовольная улыбка на его лице была шире, чем она могла вынести. Намного шире. Когда она подплыла к ним, его губы скривились и он уже начал что-то говорить, но запнулся, увидев что-то.

Он увидел её.

Она почувствовала, как лезвие вырывается из её руки, и действовала инстинктивно, неумело замахиваясь невидимым ножом. Тоэлу удалось выставить руку перед собой, и лезвие прошло насквозь аккуратно через локоть. Аннаиг от шока забыла, как дышать. Всё, что она видела перед собой - это его лицо.

- Я в тебе ошибался, - выдохнул Тоэл. Его черты казались размытыми из-за игры тени и света; они рисовали сложный орнамент, за которым уже было не разглядеть выражение его лица.

Она очнулась в объятиях Глаза. Они всё ещё находились под водой. Двое скроу в потрясении смотрели на обезглавленное тело Тоэла, у которого, к тому же, не хватало руки до локтя.

- Глаз... - прошептала она.

- Я не знал, что это ты была с ними, - сказал он. - Я мог убить тебя! Какого скампа ты здесь делаешь?!

- Он заставил меня прийти, - сказала она. - Он был в ярости - хотел преподать мне урок на будущее, или вроде того, - она посмотрела на изувеченное тело. - О, Стендарр... Глаз, что я наделала? Я никогда раньше не...

- Как и я, - сказал он.

Она чувствовала себя уязвимой, как мокрый листок бумаги, который можно порвать одним лишь касанием. Она смотрела на трупы, на темные облачка крови, клубящиеся в воде, - больше черные, чем красные, как шоколад.

Но ничего из этого не казалось реальным. Она совсем недавно говорила с Тоэлом. Она целовала его!

- Что нам теперь делать? - Верт схватился за голову. - Ты убила шеф-повара! Это почти то же самое, что убить лорда!

"Нет, нет," - стучало у Аннаиг в голове. "Никто не умер. Это ошибка. Здесь вообще никого нет..."

- Во-первых, - сказал Глаз, - здесь нужно прибраться.

Да, они должны это сделать, не так ли? Какой беспорядок...

- Но его хватятся, - упорствовал Верт. - Они будут посылать водолазов на поиски...

- Верно, - сказал Глаз. - Поэтому мы сделаем так, что никто его не найдет. Как и любого из них.

- Но как это сделать? Даже если мы порежем их на кусочки и сбросим в Яму, нюхачи всё равно их отыщут!

- Не волнуйся, - уверенно сказал Глаз. - Я знаю, что делать. Их не найдут.

- Тогда они начнут допрашивать нас.

- Только мы четверо знаем, что произошло, - сказал Глаз.

- Что ты имеешь ввиду? - спросил Силинил, на всякий случай отплывая немного подальше.

- Никто не собирается тебе навредить, - сказал Глаз. - Это не то, к чему я клоню.

Вдруг в голове Аннаиг что-то щелкнуло, и кусочки мозаики собрались воедино.

- Послушайте меня! - воскликнула она. - Просто послушайте. Никто ведь не знает, что скроу в этом замешаны, верно? Каждая кухня будет думать, что Тоэла убила другая кухня. Нам не нужно избавляться от тел - напротив, они должны быть найдены. Но они должны быть найдены, спрятанные в отходах кухни Фамер. Всё здесь - а если я говорю всё, то имею ввиду вообще всё - должно быть очищено. Я могу изготовить средство, которое очистит это место так, словно нас здесь и не было. А после этого вы сделаете так, чтобы было похоже, что Тоэл погиб, попытавшись проникнуть на кухню Фамер. Понимаете?

- Ты это... - начал было Глаз, но остановился.

Но ему не нужно было произносить это вслух. Аннаиг и так знала, о чем он думает.

- Нет, Глаз, - сказала она. - Я это не спланировала. Это даже не пришло бы мне в голову - и ты это знаешь. Но, если мы правильно на этом сыграем, это принесет пользу. Всем нам.

- Они станут подозревать тебя, - сказал Глаз. - Единственную, кто выжила.

- Все, кто знал что я спускалась сюда, сейчас здесь, - ответила она. - Когда Тоэла хватятся, я буду удивлена, как и все остальные, и буду гадать, куда же он мог подеваться.

Глаз немного задумался перед тем, как кивнуть.

- Если ты думаешь, что это сработает.

- Это полная авантюра, - призналась она, - нас могут найти. Мы может умереть... очень мучительной смертью. Но, вероятно, рано или поздно это всё равно может случиться, правильно?

- Пожалуй, что так, - согласился Глаз.

- Ну, что ж, - сказала Аннаиг. - Давайте займемся делом, и попытаемся дожить до завтра.

...и это ещё не конец. Перевод второй части в процессе.